

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК  НОВАЯ ЭРА

ЕРОФЕЙ ТРОФИМОВ



ШАТУН

ВСПОМНИ ВСЕ, ЧЕМУ ТЕБЯ УЧИЛИ

Фантастический боевик. Новая эра

Ерофей Трофимов

Шатун

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Трофимов Е.

Шатун / Е. Трофимов — «Издательство АСТ»,
2023 — (Фантастический боевик. Новая эра)

ISBN 978-5-17-154760-8

Спецназ учат многому, но никому и в голову не придёт учить бойца, как вести себя в случае, если вдруг оказался в другом мире. А точнее, в прошлом собственной страны. Но если ты офицер и давал родине присягу, то выход только один. Вживаться в новые реалии и снова защищать родину. Так, как привык это делать в прошлой жизни. Но прежде надо просто выжить. Выживать, оставаться собой и вспоминать всё, чему тебя когда-то учили...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-154760-8

© Трофимов Е., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Ерофей Трофимов

Шатун

© Ерофей Трофимов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Иллюстрация на обложке Сергея Курганова

* * *

Группа выскользнула на опушку леса и, тут же оттянувшись немного назад, встала на привал. Они шли уже третьи сутки, так что немного передохнуть и осмотреться было просто необходимо. Командир группы, капитан с позывным Секач, жестами расставил бойцов на фишку, а сам принялся сканировать эфир при помощи небольшого сканера. Убедившись, что ничего лишнего не звучит, Секач убрал хитрый прибор и, улегшись на спину, закинул натруженные ноги на ствол дерева, давая им отдохнуть.

– Командир, – еле слышно прошептал молодой лейтенант, попавший в группу несколько месяцев назад, но уже успевший нажить себе личный позывной. – Глянь на десять часов.

– Что там? – моментально подобрался капитан.

– Непонятно. Вроде как капище какое-то.

– И что? Ты в сектанты податься решил? – иронично поинтересовался Секач, успокаиваясь.

– Интересно стало, – смутился молодой офицер.

– Интересно ему. Ты, прежде чем панику разводить, лучше бы вспомнил, где находишься. И заметь, я сейчас не про то, чем мы заняты, а про наше географическое местоположение.

– А что с ним не так? – не понял лейтенант.

– Это Кавказ, сынок. Земля древняя, еще с библейских времен известная, – наставительно ответил капитан, пряча улыбку в уголках глаз. – Хотя ты, пожалуй, и слов таких не знаешь. Жертва ЕГЭ.

– Вот ты не поверишь, командир, я Библию даже в руках держал, – отшутился лейтенант.

– Ну, ежели ты такой грамотный, тогда ответь мне, отрок, в какой части там места здешние упоминаются?

– Ну, Ной к горе Арарат пристал.

– Пристают к бабе, а он причалил, – тут же поддел его капитан. – Вот об этом я и говорил. Древняя это земля, – добавил он, укладываясь обратно на траву. – Ладно, бди дальше. Ты у нас глазастый, может, чего полезного и вымотришь.

Сообразив, что разговор окончен, лейтенант аккуратно вернулся на опушку и, поднеся к глазам небольшой, но мощный бинокль, принялся осматривать небольшую долинку, к которой вышла группа. Вот уже трое суток они играли с «духами» в кошки-мышки, ускользая от преследователей, словно тени. Свою задачу группа выполнила. Лагерь противника был обнаружен, и вся нужная информация уже ушла куда надо. Так что теперь им требовалось только вернуться на базу без потерь. Но «духи» каким-то образом узнали о них и теперь преследовали с упрямством обреченных.

Секач уже несколько раз удивлялся такому упрямству и делал все, чтобы увести людей без боя. Слишком не равны были силы для прямого противостояния, а вызывать вертушку для эвакуации означало подставить пилотов под удар. Вооружен противник был весьма серьезно. Вот и шли они по зеленке, путая следы и используя разные хитрости. Спустя сорок минут Секач подал команду, и группа, все так же бесшумно поднявшись, отправилась дальше.

Выходить на открытое пространство в таких условиях было глупо, так что капитан повел своих бойцов в обход долины, по самой кромке леса. Идти пришлось по-мужски, налево. Справа, в том месте, где любопытный лейтенант обнаружил что-то вроде капища, был скальный выступ, на штурм которого ушло бы много времени и сил. Но едва только они добрались примерно до середины долины, как группу обстреляли из зеленки.

Моментально сообразив, что группа попала в ловушку, Секач приказал залечь. Их действительно зажали и старательно отжимали огнем на открытое пространство. Противник понимал, что опытные, специально обученные бойцы могут крепко потрепать его, так что в ближний бой не лез и старательно давил позиции группы массированным огнем. Секач, зная, что долгого боя им не выдержать, банально боеприпасов не хватает, приказал группе начать движение вперед. Нужно было прорываться, и направление у них было только одно. В лес.

Скользя в подлеске словно тени, бойцы подобрались к противнику на бросок ножа и уже ждали команды на прорыв, когда в воздухе раздался характерный свист, и тут же последовал взрыв. Вот теперь все стало окончательно ясно. Их специально удерживали на этой позиции, чтобы подставить под минометный обстрел. Похоже, их и вправду уважали, если решили прикончить группу таким сложным способом. Таскать по лесу даже легкие минометы то еще занятие.

Понимая, что дело пахнет жареным, Секач отдал команду на прорыв, и бойцы, выметнувшись из кустов, вломились в ряды «духов», словно демоны смерти. Их недаром учили долго и старательно. Из полусотни отжимавших группу «духов» противостоять им в прямом бою не мог никто. Они почти прорвались, когда на точку столкновения посыпались мины.

Похоже, командир противника решил любой ценой не выпустить бойцов, даже сделав из своих подчиненных шахидов.

В пылу схватки группа разделилась, и позиционный бой рассыпался на несколько очагов. Вертясь волчком, молодой лейтенант начал медленно отходить назад и очень скоро оказался на опушке. Сообразив, что таким образом он превратился в мишень, боец упал в траву и, перекатившись, быстро сменил магазин в автомате. Патроны подходили к концу. Оставался еще «Грач» с тремя запасными магазинами, нож и граната. Вот ее лейтенант решил использовать как последний аргумент.

Но, похоже, «духи» в полной мере оценили выучку бойцов группы. Подходить они даже не пытались. Продолжали давить огнем, отжимая лейтенанта к скальному выходу. Огрызаясь короткими очередями и постоянно меняя позицию, он вдруг сообразил, что отступить дальше просто некуда.

– Эй, лейтенант. Шатун, отзовись! – вдруг послышался крик.

Голос звучал с насмешкой, а в речи, хоть и правильной, явно слышался акцент.

– Бросай оружие. Жить останешься. Обещаю, – между тем продолжал говорить неизвестный. – Сам видишь, если я даже твой позывной знаю, то мне есть, с кем связаться, чтобы за тебя выкуп потребовать. Сдавайся.

«Сдали», – словно разряд тока пронзила лейтенанта мысль.

Кто-то сидящий достаточно высоко просто слил всю группу. Заскрипев от злости зубами, Шатун ловко отстегнул от автомата магазин и, взглядом оценив количество оставшихся патронов, вернул его на место.

Что ж, раз уж так сложилось, значит, это будет его последний бой. Снова сменив позицию, Шатун чуть приподнялся и быстро выстрелил одиночным по едва заметному силуэту. Сдавленный вскрик послужил ему сигналом, что он не промахнулся.

Новый пережат, выстрел и вскрик. Шатун действовал, как на полигоне. Все страхи, волнение, все чувства куда-то отступили, сменившись глухой, звенящей пустотой. Это был его последний бой, и он использовал все, чему его когда-то учили. После седьмого результативного выстрела послышались горные команды, и в воздухе снова раздался знакомый свист.

Похоже, «духи» решили оставить затею взять его живым. Разрыв легкой мины заставил лейтенанта вжаться в землю.

Но как только над головой просвистели осколки, Шатун вскочил на ноги и метнулся под самую скалу. Но, похоже, именно этого маневра от него и ждали. В воздухе просвистело сразу несколько мин, а дальше раздалось четыре разрыва подряд. Вскочив, Шатун помчался вдоль скалы, пытаясь уйти в зеленку, но следующие две мины разорвались раньше, чем он успел залечь. Оба снаряда легли рядом. Бойца подбросило и со всего размаху кинуло на скалу.

Шатун едва успел прикрыть лицо автоматом, когда всем телом грянулся о камень. Резкая вспышка, долгий, противный звон в ушах... и темнота, очень скоро сменившаяся каким-то серым маревом, навреде тумана. Верх и низ пропали. Пропало всё. Вкус, цвета, запахи, звуки. Осталось только ощущение невесомости и долгая, непрерывная боль. А еще сложилось впечатление, что его куда-то несет, словно щепку по бурному ручью. Шатун не понимал, что происходит, но сопротивляться не было ни сил, ни желания.

Он потерял счет времени, но вдруг сквозь боль и все тот же звон краем ускользящего сознания Шатун услышал тихие, едва различимые слова:

– Сил мало. Жаль. Жаль его.

«Чего ему жаль? Каких сил? Кого он вообще жалеет?» – успел подумать лейтенант, когда вдруг ощутил удар.

Очередная вспышка боли заставила его глухо вскрикнуть и взять себя в руки. Первое, что он понял, – пахло сырой землей и прелыми листьями.

«Почему прелыми? – мелькнула дикая мысль. – Мы же в середине лета. Откуда тут осенний запах?»

Потом он расслышал птичий гомон и, кое-как открыв глаза, с трудом приподнял голову. Сквозь слезы Шатун сумел рассмотреть перед собой какой-то просвет, и уже не понимая, что делает, медленно пополз вперед, волоча за собой перебитые ноги.

* * *

Первое, что он почувствовал, едва начиная приходить в себя, сильная, бесконечная боль. Она не проходила и не унималась, выматывая душу и заставляя сильного тренированного мужчину едва слышно скулить, словно крошечного, потерявшегося щенка. От этой боли было только одно спасение – забыть, и именно в него Шатун провалился, так и не поняв, что происходит вокруг.

Сколько это продолжалось, он не знал. Впрочем, подобные вопросы интересовали его в тот момент меньше всего. Очнувшись в очередной раз, он ощутил дикую жажду и, кое-как собравшись с силами, попытался в голос произнести только одно слово:

– Воды.

Шатун и сам не понял, что у него получилось, но кто-то рядом, тяжело вздохнув, зашевелился. Потом в губы ткнулось что-то твердое и шершавое, а потом в рот полилась холодная живительная влага. Давясь и захлебываясь, Шатун буквально впитал лившуюся в него воду и, слегка ожив, попробовал поднять руку, чтобы перехватить сосуд с водой поудобнее, но чья-то крепкая мозолистая рука удержала его движение, а над головой раздался странный голос, с акцентом произнесший:

– Тихо будь. Нелза шебуршат. Лежи. Я дам, что хочешь.

– Кто вы? – прохрипел Шатун, делая очередную попытку поднести руку к лицу и убрать то, что мешало ему смотреть.

– Тихо будь, – повторил тот же голос. – Глаза целый, лицо сильно поранетый. Потом сниму.

«Лицо? А с остальным что?» – успел подумать лейтенант, в очередной раз проваливаясь в забытьё.

Следующее пробуждение оказалось чуть приятнее. Изматывавшая его боль куда-то отступила, сменившись нудным тянущим ощущением во всем теле. Но главное, что на глазах не было никаких повязок. Так что в этот раз, едва проморгавшись от резанувшего по глазам света, он смог немного оглядеться. Первое, что бросилось лейтенанту в глаза, роскошный ковер, висевший на стене рядом с местом, где он лежал.

Скосив взгляд в другую сторону, Шатун вдруг понял, что находится в помещении, очень напоминающем саклю в горном ауле. Глинобитные стены, беленные известью, ковры, небольшие окошки, затянутые бычьим пузырем. На полу палас ручной работы, а под окном грубый самодельный стол из жердей. Дверь толстая, из грубо оструганных досок на кованых широких петлях.

Повернуть голову набок получилось с огромным трудом. Шатун даже услышал скрип, словно от несмазанных шарниров. Сообразив, что такая реакция мышц бывает, только если человек долгое время лежит без движения, лейтенант попытался понять, как долго он тут валяется. А потом нахлынули воспоминания. Разом. Одним потоком. Словно кто-то открыл в голове шлюз.

– Твою мать! Так ведь нас же слили! – вскинулся Шатун и тут же со стоном упал обратно на лежанку. – Выходит, парни все погибли, – еле слышно выдохнул лейтенант, отдышавшись. – Ну, и куда меня занесло? Неужели лечат, чтобы потом выкуп получить? Чушь. Не стали бы «духи» ради такой мелочи со мной возиться. Добили бы на месте и ушли. Выходит, я не у «духов», а где тогда?

Словно в ответ на его вопрос в комнату вошла женщина чуть старше средних лет, в старинном костюме горянки. Длинное глухое платье в пол, косынка, завязанная так, что открытым оставалось только лицо, и широкий передник, в котором женщина что-то принесла. Не глядя на него, она подошла к столу и принялась выкладывать из передника пучки каких-то трав и ягоды, сорванные вместе с веточками.

– Здравствуйте, уважаемая, – негромко произнес Шатун, с интересом разглядывая женщину.

– Здравствуй, – спокойно кивнула та, продолжая возиться с травами.

– Скажите, кто вы и где я нахожусь? – задал лейтенант главные для него вопросы.

– Хизарат меня называй. У меня дома ты, – коротко ответила женщина, не поворачиваясь к нему.

– А у вас дома это где? Где ваш дом находится? – попытался продолжить допрос лейтенант.

– Горы, – все так же спокойно отозвалась женщина.

– И как я тут оказался? – не унимался Шатун.

– Я привез, – пожала женщин плечами. – Ты на дорога лежал. Весь в кровь. Я из аул ехал. Арба тебя положил и сюда привез.

– Что со мной? – уточнил Шатун, осмыслив услышанное.

– Не знаю. Я такой рана еще не видел. Словно барс драл. И много кости сломано. Лицо тоже рваный. Хорошо, глаза целый.

– Барс драл, – тихо повторил лейтенант, вспоминая события последних минут боя. «И вправду, похоже, если сильно осколками посеколо. И переломы тоже понятны. Непонятно одно, откуда в том месте дом взялся? Мы же там почти всю округу облазили. И потом, когда отбивались, тоже пару раз по всей опушке прокатились. Такую канонаду сложно было не услышать. Выходит, я умудрился куда-то в другое место уползти. Но как? Если эта тетка правду сказала, то я должен был уже метров через двадцать кровью истечь».

– А где мои вещи? – очнувшись от размышлений, поинтересовался Шатун.

– Какой вещи? – впервые за все время разговора проявила женщина хоть какие-то эмоции. – Не был никакой вещи. Ты голый бил.

– Как голый? – охнул Шатун, сообразив, что она говорит. – Совсем?

– Савсэм, – решительно кивнула тетка. – Как только родился. Только раны и кров бил.

– Может, ограбили? – растерянно предположил Шатун, лихорадочно пытаюсь вспомнить, раздевался он сам или нет.

– Нэт. Слэд на дорога не бил. Толко твой кров на земля. Потом покажу, откуда ты ползал.

«Блин, прояснил ситуацию. Только еще больше все запуталось, – подумал Шатун, тяжело вздохнув. – И что мне теперь делать? Блин, вот положение. Ни связи, ни оружия. Даже штанов нет. Как же доложить, что группы больше нет и нас слили? Твою мать, я даже на местности сориентироваться не могу».

– Долго мне тут еще лежать? – спросил лейтенант, снова повернувшись к хозяйке.

– Пока кост заживет, – все так же бесстрастно пожала та плечами.

– А как давно я у вас?

– Два месяц. Не бойся. Я кост хорошо сложила. Как новий будет. Я давно людей лечу.

Еще никто не умер.

– Хоть это радует, – растерянно проворчал Шатун.

– Тихо лежи, – вдруг посоветовала женщина. – Тихо будешь, рана быстро заживет. Кост уже срастался. Терпи. Ты мужчина. Должен терпет.

– Да я терплю, – снова вздохнул Шатун. – Но у меня много дел не закончено. Срочных. И за меня их никто не сделает.

– Нет болше никакой дело, – помолчав, тихо ответила женщина. – Теперь у тебя другой дело будет.

– Как это? О чем вы? – подобрался Шатун.

– Потом узнаешь, – тряхнув головой, отрезала хозяйка. – Сейчас рано.

– Послушайте, может, у вас тут хоть какая-то связь есть? – спросил Шатун, что называется, на удачу. – Вы поймите, это очень важно. Могут хорошие люди пострадать, если я не сообщу то, что знаю.

– Какой связь? Нэт связь, – решительно тряхнула женщина головой. – Лошад ест, но ты на нее сесть не можешь. Твой ноги еще слабый.

«Твою мать! Да куда ж меня занесло?» – взвыл про себя Шатун, окончательно запутавшись.

– А какой город тут рядом есть? – не сдавался он.

– Нэт город. До город два день верхом на бистрый конь ехат.

– Галопом? – тупо уточнил лейтенант, чувствуя, как на коротко стриженной голове начинают шевелиться волосы.

– Да.

«Это получается примерно сотня верст, плюс минус лапоть», – прикинул Шатун и, в очередной раз вздохнув, тихо проворчал:

– Думаю, про почтовый адрес данной местности спрашивать бесполезно.

– Не надо спрашивать, – неожиданно кивнула хозяйка. – Время придет, все сам узнаешь.

Несмотря на ее акцент, в процессе разговора Шатун начинал все лучше и лучше понимать ее. Однако это никак не проясняло сложившуюся ситуацию. Понимая, что так ничего и не выяснил, лейтенант откинулся на подушку и принялся мысленно проверять собственное тело. Долгие тренировки и увлечения самыми разными видами спорта, в которых он пробовал свои силы, давно уже научили его чувствовать свой организм.

Тело плохо, со скрипом и болью, но подчинялось. Понимая, что, пролежав в постели два месяца, иначе и быть не могло, Шатун принялся поочередно напрягать и расслаблять различные группы мышц, чтобы хоть как-то привести их в тонус. Хозяйка, закончив с травмами, вышла, но, вскоре вернувшись, с порога спросила, внимательно глядя на него:

– Что дать? Что хочешь?

– Я бы поел чего, – смутился Шатун, неожиданно ощутив голод.

– Хорошо. Кушать хочешь, значит, здоровье будет, – кивнула хозяйка, чуть улыбнувшись.

Она снова вышла, чтобы вернуться минут через двадцать с широким медным подносом в руках. Поставив его на стол, женщина подошла к лежанке и, ни слова не говоря, ловко подсунув ладонь под шею своему пациенту, с неожиданной силой приподняла его торс. Подложив подушку так, чтобы лейтенант оказался в сидячем положении, она переставила поднос ему на колени и, кивая на глиняный горшочек, сообщила:

– Пить горячий. Осторожно кушай.

Вспомнив, что пить – это кавказский пряный суп с говядиной и алычой, Шатун судорожно сглотнул набежавшую слюну. Такое блюдо он пробовал, когда группа только приехала на базу в Моздок. У них было время, чтобы немного побродить по городу и попробовать местную кухню. Схватив с подноса деревянную ложку, Шатун снял с горшочка крышку и, зачерпнув горячего, ароматного варева, не раздумывая, отправил ее в рот. Откусив от толстого куска кукурузного хлеба, лейтенант вдруг замер, словно громом пораженный.

И поднос, и горшочек, а самое главное, ложка, все эти предметы носили следы кустарного изготовления. Испуганно глядя на предметы домашнего обихода, он вдруг понял, что окончательно теряет связь с реальностью. Этого не могло быть, но это было. Было на самом деле. Жжение во рту заставило его очнуться и проглотить пищу. Специй и перца хозяйка не жалела. Непривычного Шатуна даже в пот бросило.

Тряхнув головой, лейтенант не спеша съел все принесенное до крошки и, с удовлетворением вздохнув, еле слышно проворчал:

– Ладно. Коли доктор сыт, так и больному легче. Но блин, куда ж меня все-таки занесло? Нет, то, что это Кавказ, и слепому ясно. Но где именно я на Кавказе?

Монолог этот прервала хозяйка, войдя в комнату с очередным подносом. Но на этот раз гораздо меньшего размера. На подносе оказался кавказский грушевидный стаканчик и плошка с медом.

– Хорошо кушаешь. Быстро здоровый станешь, – одобрительно проворчала хозяйка, забирая у него опустошенный поднос. – Чай пей. Хороший чай. Ханьский. Купец возит. Я его дочку лечила.

– Ханьский? Купец? – растерянно повторил Шатун, едва не разбивая упавшей челюстью стакан с чаем. – Да мать твою! Что тут вообще происходит?! – не удержавшись, взвыл он в голос.

– Спокойно будь, – отрезвил его жесткий женский голос. – Ты мужчина, а не девчонка перед свадьбой. В руках себя держи. Потом все узнаешь. Ходить сможешь, отведу тебя, все покажу.

– Куда отведете? – усилием воли взяв себя в руки, спросил Шатун.

– Сам увидишь. Словами не знаю, как сказать, – чуть поморщилась хозяйка. – Чай пей. На двор хочешь, позови. Я горшок принесу.

– На двор? Это в туалет в смысле? – сообразил Шатун. – Так зачем горшок. Я ж вроде уже в себя пришел. Сам как-нибудь доберусь, – зачастил он, смутившись.

– Глупый не будь, – чуть усмехнувшись, отмахнулась женщина. – Я тебя два месяца лечила.

– Все равно теперь это будет неправильно, – буркнул Шатун, упрямо набычившись.

– Глупый не будь. Кость еще плохо зажил. Хочешь еще полгода у меня валяться? Делай, как сказано, – отрезала она, направляясь к дверям.

«Что-то у меня вообще концы с концами не вяжутся, – подумал лейтенант, прихлебывая крепкий чай. – Вся посуда кустарного производства. Продукты явно свежие. Дом – обычная кавказская мазанка. Сама хозяйка одета в одежду явно кустарного производства. Швы на платье я хорошо рассмотрел успел. В окне, вон, даже стекла нет. И что все это значит? Такое впе-

чатление, что я оказался у каких-то реконструкторов или сектантов, помешанных на старине. Так, а что она говорила про то, что отведет меня куда-то? Куда именно?..»

За размышлениями Шатун допил чай, вылизал плошку с медом и, кое-как переложив поднос на пол у лежанки, незаметно для себя уснул.

* * *

Спустя еще две недели Шатун уже почти уверенно ковылял по дому, опираясь на самодельные костыли. От долгого лежания мышцы сильно ослабли, и теперь ему приходилось старательно возвращать себе былую форму. Так что, едва встав на ноги, хоть и на четыре вместо привычных двух, лейтенант с остервенением занялся мелкими домашними делами. С утра до вечера что-то чинил, рубил на дрова валежник и даже пытался носить из ручья воду, но тут он был послан хозяйкой далеко и на долго.

Попутно Шатун пытался решить вопрос, где он все-таки оказался. К его огромному удивлению, весь домашний инструмент был сделан кустарно. Это наводило лейтенанта на странные мысли, но он старательно гнал их от себя, все еще надеясь однажды вернуться. И домой, и на службу. Мысли о доме посещали его все чаще. Парень заканчивал школу, когда не стало отца. Трое каких-то отмороzków в пьяном состоянии сбили его зимой машиной на пешеходном переходе и, даже не остановившись, уехали. Был поздний вечер, и прохожих на улицах почти не было.

В итоге отец так и замерз, лежа на краю проезжей части. После похорон мать рвала жилы, пытаясь прокормить его и двух младших сестреночек. Понимая, что долго так продолжаться не может, Шатун подал заявление в военное училище. Благо учиться ему всегда нравилось, и с успеваемостью все было в порядке. Да и со спортом он всегда дружил. К выпускному классу у парня уже был выполнен норматив кандидата в мастера спорта по самбо, а перед этим успел получить разряд по боксу.

К тому же, чтобы хоть как-то иногда радовать младших сестреночек, он выучился стрелять и частенько в тирах выбивал призы, которые тут же отдавал девчонкам. В общем, ему было о ком беспокоиться. Хотя, даже если его признают погибшим, то семье будут выплачивать хоть и небольшую, но регулярную пенсию. А значит, даже находясь непонятно где, он все равно будет помогать своим близким.

Желание отправиться в расположение ближайшей воинской части Шатун вынужден был подавлять усилием воли, отлично понимая, что в таком состоянии далеко не уйдет. Имея рост под метр девяносто и вес под сотню кило, он превратился в бледную тень самого себя. Ребра можно было пересчитать даже через рубашку. Еще только начав перемещаться по дому, он попытался осмотреть себя и был неприятно поражен как состоянием тела, так и его внешним видом.

Осколки буквально изрешетили ноги, руки и лицо. Торс был прикрыт бронежилетом, так что жизненно важные органы не пострадали, а вот конечности были просто изуродованы. Но к его огромному удивлению, ни сухожилия, ни суставы серьезно не пострадали. Так что со временем он имел все шансы вернуть себе прежнюю форму. Что же касемо лица, то тут все было весьма неприятно.

Однажды попробовав улыбнуться своей спасительнице, Шатун вдруг понял, что мышцы лица болезненно дергаются, вызывая вместо улыбки странную гримасу. Глянув на себя в ведро с водой, лейтенант охнул и тихо выругался. От него прежнего остались жалкие ошметки. Осколки не задели только среднюю часть лица, которую он успел прикрыть предплечьем во время взрыва. С поверхности воды на него смотрело настоящее чудовище. Теперь лейтенанту стало понятно, почему хозяйка так уверенно сказала, что глаза целы, а про остальное он и сам узнает.

Взяв себя в руки, Шатун снова подошел к ведру и, всмотревшись в свое отражение, еле слышно прошептал:

– Ну, хоть по глазам узнать можно.

Тут он был прав на все сто. Его глаза трудно было перепутать с чьими-то другими. Эта особенность передавалась в их семье по мужской линии. Все мужчины, начиная с прадеда, имели разный цвет глаз. Правый был янтарного, почти медового цвета, а левый – синий, аж до фиолетового оттенка. Из-за этой особенности его даже не хотели переводить в роту спецназа, но физические и умственные показатели юного лейтенанта перевесили.

И вот теперь, глядя на свое отражение, Шатун едва сдерживался, чтобы не завывать в голос. От некогда молодого, бравого офицера остались одни воспоминания. Не удержавшись, Шатун с тихим стоном сунул голову в то самое ведро. Простояв так, сколько мог выдержать, он выпрямился и, стряхнув с лица капли воды, глухо зарычал.

– С лица воды не пить, – послышался тихий голос хозяйки. – Ты мужчина. Руки есть, ноги есть, голова работает. Да и там, – она с мимолетной усмешкой кивнула куда-то вниз, – все работает. Проживешь. Ты молодой, привыкнешь.

Развернувшись, Хизарат отправилась в сарай, где держала коз и кур.

– Права ты, хозяйка, – еле слышно выдохнул Шатун, усилием воли беря себя в руки. – Во всем права. С лица воду не пить. И еще права, что я мужик, а значит, должен сделать все, чтобы стать прежним. Если не внешне, то хотя бы физической формой.

С того дня Шатун начал делать все, чтобы снова стать самим собой. И хотя серьезные нагрузки ему еще были противопоказаны, но начинать с чего-то было нужно. Вот и стал он нагружать себя всякой домашней работой. До боли, до кровавой пелены в глазах. Глядя на его усилия, хозяйка только головой качала, но в процесс не вмешивалась. Только вечерами, осматривая его раны, он что-то тихо бурчала себе под нос и регулярно спрашивала, что болит.

Еще через месяц Шатун избавился, наконец, от опостылевших костылей и занялся собой с полной отдачей. И хотя ноги после ранения все еще плохо слушались, лейтенант не унывал. Дело пошло на лад.

Оставалось только выяснить, где он все-таки оказался, и отправиться обратно. Но вот в этом и состояла главная сложность. Хозяйка не могла толком объяснить, в какой стороне находится ближайший город.

По ее собственным словам, сама она никогда там не была, а всех пациентов ей привозят на дом. В крайнем случае ездила в соседние аулы, да и то только, чтобы провести первичный осмотр. К огромному изумлению Шатуна, лечила женщина по-настоящему. Без дураков. Ее познания трав и отваров привели его в настоящее изумление. На глазах лейтенанта женщина сумела купировать последствия инсульта у пожилого мужчины, которого привез сын.

Уже через неделю мужчина спокойно передвигался по двору и вполне внятно разговаривал с хозяйкой. Как оказалось, русского языка он не понимал. Вообще. Этот факт насторожил Шатуна. По долгу службы ему приходилось бывать в самых разных уголках страны и ближнего зарубежья, и везде люди понимали русский язык. Пусть не очень хорошо, но вполне достаточно, чтобы хоть как-то объясниться. А тут вообще никак.

Национальную принадлежность самой хозяйки Шатун так и не смог определить. Внешне обычная горянка. Густые черные волосы, завивающиеся крупными локонами, тонкие черты лица и большие серые глаза, обрамленные густыми ресницами. Но самое удивительное, ее взгляд. Внимательный, пристальный, словно все понимающий. В этом взгляде была такая мудрость, что Шатуну становилось не по себе.

В очередной раз порубив весь принесенный из лесу валежник на дрова, лейтенант зачерпнул медной кружкой воды из ведра и, напившись, устало вздохнул. Вышедшая из дома Хизарат окинула его долгим, внимательным взглядом и, кивнув каким-то своим мыслям, коротко скомандовала:

– За мной иди.

Сойдя с крыльца, женщина ровным быстрым шагом вышла на дорогу и направилась куда-то в сторону предгорий. Быстро накинув рубашку, Шатун поспешил следом. Женщина вывела его на дорогу и зашагала дальше, даже не делая попыток оглянуться. Она и так знала, что Шатун спешит следом. Часа через полтора такого аллюра они вышли к какому-то распадку, и женщина решительно сошла с дороги, направляясь именно туда.

Шатун шел следом, пытаясь понять, куда она его ведет. Пройдя в самый конец распадка, Хизарат остановилась и, повернувшись направо, указала рукой на какой-то странный валун.

– Вот. Отсюда ты пришел, – тихо сообщила женщина. – Сюда упал и туда полз. До самой дороги доползти смог. Там я тебя нашла, – коротко пояснила она, указывая рукой в нужные стороны. – Тут везде кровь был, где ты полз.

Всмотревшись в камень, Шатун вздрогнул всем телом и, растерянно отступив назад, прошептал:

– Капище!

– Место бога. Не знаю, какого, – спокойно кивнула Хизарат. – Но знаю, что так бывает. Что-то там случается, и сюда люди попадают. Так при бабке моей было. Теперь вот со мной, – грустно улыбнулась она.

– И что с тем человеком стало? – быстро спросил Шатун, с жадностью глядя ей в глаза.

– Ушел. Тоже сильно поранетый был. Выздоровел и ушел.

– Ушел и все? – не поверил Шатун. – Неужели ничего больше?

– А что еще? – пожала плечами женщина. – Моя семья в этих горах давно живет. И бабка, и ее бабка, еще много раз так. А он ушел. Далеко.

– И что? Неужели обратно никак? – собравшись с духом, спросил Шатун с нервным смешком и, осторожно подойдя к камню, положил на него руку.

– Нет. Отсюда никто не уходил, – качнула Хизарат головой.

– А твоя семья никогда отсюда не уезжала? – сменил Шатун тему, чтобы хоть как-то обрести душевное равновесие.

– Нет. Тут особое место. Травы сильные. В моей семье женщины всегда людей лечили. Потому и место такое искали. Сильное, – задумчиво ответила Хизарат, вздыхая.

– И что, ваше лечение всегда помогает? – не унимался Шатун. – Неужели никогда не было, чтобы люди не обвиняли вас во всяких глупостях?

– Нет. Мой род древний. И пугать нас никто не станет. Вокруг все знают, что если мы лечить не станем, то никто не поможет. У абиссинцев наука лечить самая сильная была.

– Ты абиссинка? – удивился Шатун, припоминая, что данная народность давно уже была ассимилирована.

– Да, – коротко кивнула женщина. – Обратно пойдем. Кушать надо, – скомандовала она и, развернувшись, быстро зашагала в обратную сторону.

Проводив ее взглядом, Шатун снова положил ладони на камень и, закрыв глаза, попытался представить, что его переносит туда, откуда он появился в этом странном распадке. Он даже пытался до мельчайших подробностей представить себе ту самую долинку, где случился бой, но ничего не менялось. Вздохнув, Шатун открыл глаза и, выругавшись, тяжело зашагал к дому.

Войдя в комнату, где жил, лейтенант наткнулся взглядом на уже накрытый стол и, грустно кивнув, тихо поблагодарил:

– Спасибо тебе, Хизарат.

– Садись. Кушай. Тебе много теперь кушать надо, – улыбнулась хозяйка в ответ. – А туда больше не ходи. Не надо. Не получится обратно. Я знаю.

– Но откуда? – не удержался Шатун, тяжело опускаясь на лавку.

– Легенды есть, – вздохнула Хизарат. – Еще от много раз бабки моей осталась.

– От много раз бабки? – не понял лейтенант. – Это в смысле прапрабабки?

– Да, так, – кивнула женщина.

– И о чем та легенда?

– Все не знаю. Помню только, что этот бог мог умирающего человека спасти, в другое место его унеся. Но перенести можно только живое. Ничего мертвого не переносится. Потому я и нашла тебя голым. Как увидела, сразу поняла, кто ты.

– Постой. А как же осколки в моем теле. Разве это не ты их вынула?

– Нет. Не был никакой осколки, – решительно мотнула женщина головой.

Шатун давно уже заметил, что ее акцент усиливается, когда хозяйка начинает волноваться. Так было и теперь. Качнув головой, Шатун вздохнул и, засучив рукав, ткнул пальцем в один из шрамов:

– Хизарат. В каждой этой ране был маленький кусочек железа. Это они оставили все эти раны. И они должны были остаться внутри. А теперь ты говоришь, что в ранах ничего не было. Как так?

– Сказала же, – чуть скривилась женщина. – Не был никакой осколки. Ты как меня слушал? Ничего мертвый перенести нельзя. Только живой. Ты живой был. Бог тебя перенес, но все мертвое там оставил. Я только чистой рану лечила. Ты пока полз, немного трава и земля попал. Но это не страшно. Я такой рана легко лечу.

– Да, знаю, – быстро кивнул Шатун. – Но я так и не понял, где оказался. Что это за земля?

– Кавказ, – пожалла женщина плечами. – Не ищи ничего. Лучше свой место на этой земле найди, – тихо посоветовала она. – И помни. Пока ты в мой дом, тебя никто не тронет. Я не дам. Но там, – она кивнула куда-то в сторону, – ты будешь сам. И тогда все может случиться. Ты раньше кем был?

– Воином, – автоматически отозвался Шатун и тут же прикусил язык, мысленно ругая себя за невнимательность.

– Хорошо, – кивнув, улыбнулась Хизарат. – Значит, себя защитить можешь.

– Могу, но без оружия это будет трудно, – быстро добавил Шатун, найдя еще один способ хоть как-то определиться с местом положения.

– Подумаю, – кивнула женщина, подвигая к нему миску с похлебкой.

* * *

Странная кавалькада заставила Шатуна закончить тренировку и, перемахнув невысокий плетень, по мчаться к ручью. Гостей нужно встречать готовым ко всему. Тем более что в этих местах не принято было сверкать голым телом, если ты не стираешь одежду и не собрался мыться. Быстро смыв с себя пот и пыль, Шатун натянул на влажное тело домотканую рубаху и, перетянув ее поясом, отправился обратно.

Пробравшись на задний двор, он прислушался к голосам у ворот и, обрадованно усмехнувшись, решительно шагнул за угол. Но уже на следующем шаге и сам Шатун, и приехавшие растерянно замерли. Десяток казаков, таких, как их показывали в фильмах, замерли с ладонями на оружии, оглядывая неизвестного парня внимательными, настороженными взглядами. Они явно не понимали, кто перед ними. Сам же Шатун смотрел на них и никак не мог поверить в то, что видит.

Крепкие, жилистые мужики с бородами, пашками и пистолетами. То ли кремневыми, то ли капсюльными, Шатун толком не рассмотрел. А главное, все они приехали верхом на конях. На дороге, у ворот, стояла открытая коляска, запряженная каурой парой. Обстановку разрядила вышедшая из дома Хизарат.

– Чего стоишь? – сварливо напустилась она на парня. – Воды принеси. Вон те два больших кувшина возьми. Только быстро, – скомандовала хозяйка так, что ноги сами понесли лейтенанта в нужном направлении.

Внеся в дом два ведерных кувшина воды, он аккуратно поставил их у печки и уже хотел было выйти, чтобы не мешать, когда женщина, не поворачиваясь, приказала:

– Огонь разведи и вода нагрей. Мне много вода надо.

По проявившемуся акценту Шатун понял, что дело серьезное, и поспешил выполнить поручение. Наполнив большой медный казан водой, он быстро затопил печку и снова попытался выскользнуть на улицу, когда из комнаты, где Хизарат принимала больных, вышел мужчина в синем мундире образца примерно восемнадцатого века. Глядя на это чудо, Шатун судорожно сглотнул и, тряхнув головой, еле слышно проворчал:

– Песец. Крыша уехала.

– Здравствуйте, молодой человек, – вежливо поздоровался незнакомец.

– И вам не хворать, – нашелся Шатун.

– Мы можем с вами поговорить? – все так же вежливо поинтересовался этот ряженный.

– Ну, если вам так сильно этого хочется, – пожал Шатун плечами, лихорадочно пытаясь понять, что тут происходит.

– Вода поставил? – высунулась из комнаты Хизарат.

– Да.

– Тогда на двор идите, – взмахом руки выгнала она обоих собеседников. – Здесь мешать будете. Там говорите.

Кивнув, Шатун вышел на крыльцо и, растерянно вздохнув, тяжело опустился на ступеньку. От всего увиденного и вправду было не по себе. Он давно уже догадывался, что оказался где-то совсем не там, где был, но одно дело – догадываться, и совсем другое – получить тому наглядное подтверждение. Вышедший за ним офицер, сойдя с крыльца, достал из кармана серебряный портсигар и, не спеша закурив, тихо спросил:

– Давно вы здесь обитаете, молодой человек?

– Хозяйка меня осенью нашла, – так же тихо отозвался Шатун. – Израненного. С тех пор тут и живу.

– И что, не пробовали уйти?

– Я толком ходить только пару месяцев назад начал.

– Что ж. Давайте говорить по порядку, – затянувшись папиросой, выдохнул офицер. – Позвольте представиться. Штабс-капитан Рязанов, Михаил Сергеевич.

– Часом не граф? – не удержавшись, иронично уточнил Шатун.

– Граф, – спокойно кивнул офицер. – А как прикажете к вам обращаться?

– Ростовцев, Руслан Владимирович, – вынужден был представиться Шатун.

– А Ростовцев Владимир Иванович вам часом не родственником будет? – тут же последовал вопрос.

– Не имею чести знать этого человека, – равнодушно качнул Шатун головой.

– Вы уверены? – все так же вежливо переспросил офицер, но взгляд его при этом стал колючим.

Руслан знал такие взгляды. Помнил их после нескольких сеансов общения с особистами. Так что манера поведения проявилась сама по себе, привычно. Ответив офицеру спокойным, равнодушным взглядом, парень прислонился плечом к перилам крыльца и, вытянув натруженные за день ноги, вздохнул:

– А какой смысл обманывать? Ведь вскроется махом.

– Это верно. Рад, что вы это понимаете, – кивнул офицер, чуть подобрев взглядом. – Могу я спросить, что с вами случилось и откуда эти отметины? Впрочем, если вам неприятно вспоминать, так и скажите.

– Ну, стесняться мне нечего. Шрамы эти я не в пьяной драке получил, – пожал Шатун плечами. – Попал под разрыв сразу двух минометных мин.

– Простите, каких мин? – моментально насторожился офицер.

– Господин штабс-капитан. Скажите, пожалуйста, который теперь год, – решившись, спросил Шатун, не уточняя ответа на вопрос. – И если можно, я бы хотел увидеть какую-нибудь газету. Пусть даже старую.

– Это можно, – спокойно кивнул офицер и, обернувшись, приказал: – Гриша, из коляски газету мне принеси. Она на сиденье лежать должна.

– Сей момент, ваше благородие, – послышалось в ответ, и спустя пару минут к крыльцу подошел казак лет двадцати пяти.

Протянув офицеру искомый предмет, он окинул Шатуна заинтересованным взглядом и вернулся к сослуживцам. Развернув газету, штабс-капитан протянул ее парню, коротко улыбнувшись:

– Извольте, сударь.

– Благодарю, – кивнул Шатун, прикипев взглядом к газетному листку.

Это были «Петербургские ведомости». Ниже названия мелким шрифтом стояла дата. Седьмое мая одна тысяча восемьсот семьдесят седьмого года. Вздвогнув, Шатун плотно зажмурился и снова тряхнул головой, словно пытаясь отогнать морок. Но когда он снова взглянул на газету, ничего не изменилось. Пробежав взглядом по типографскому шрифту, Шатун отметил про себя наличие всяких ятей и еров, после чего, сложив газету, еле слышно спросил:

– Какой у вас тут год?

– Одна тысяча восемьсот семьдесят седьмой от Рождества Христова, – спокойно ответил штабс-капитан и, раздавив каблуком начищенного сапога окуроч, попросил: – Расскажите о себе.

По его взгляду и тону Руслан вдруг понял, что офицер этот если не знает, то догадывается, что с ним не так, и теперь ждет только подтверждения своим мыслям. Так что юлить и разыгрывать амнезию бессмысленно. Он и так прокололся с газетой. Да и внешность у него никак не соответствует внешности аборигена. Одни бороды чего стоят. А Руслан по привычке даже усы сбрасывал.

– Я был офицером особого подразделения. По-вашему рота пластунов будет, – вздохнул он. – Как уже говорил, попал под разрыв сразу двух мин. Очнулся уже здесь. В этом доме. Хизарат показывала мне распадок, где нашла мое тело. Там какое-то старое капище. Она сказала, что это из-за него я тут оказался. Вот, если коротко, и все.

– В каком году это было? – помолчав, уточнил штабс-капитан.

– Одна тысяча девятьсот девяносто четвертом.

– Более ста лет, – покрутил офицер головой. – А вы молодец, Руслан Владимирович. Хорошо держитесь. Признаться, я и не знаю, как бы сам себя повел, окажись в такой ситуации, – неожиданно улыбнулся он.

– А что, истерика что-то изменит? – хмыкнул Шатун.

– Не думаю, – снова улыбнулся штабс-капитан.

– Тогда какой смысл суетиться? – пожал Руслан плечами. – Хотя чего-нибудь отчебучить очень хочется. Чтобы, так сказать, малость пар спустить.

– Только не вздумайте с казаками связаться. Они шуток не понимают, – честно предупредил офицер.

– Не беспокойтесь. Я не настолько глуп, – отмахнулся Руслан. – Лучше скажите, что теперь со мной будет?

– А что тут может быть? – сделал вид, что удивился, штабс-капитан.

– Вот только за дурака меня держать не надо, – поморщился Руслан. – Человека с такими знаниями без пригляда не оставляют. Но ведь и пригляд этот может быть разным. Но учтите. В

государстве вашем, особенно при дворе, чем выше, тем сильнее «течет». Так что не удивляйтесь, если вдруг ваши заклятые британские или французские друзья наймут пару банд, чтобы выкрасть меня или попросту прирезать. Думаю, скорее, будет первое.

– Да уж, – мрачно скривившись, вздохнул офицер.

– Только не говорите мне, что это не так и подобного не случится, – снова начал давить Руслан. – Уж поверьте, документы о подобных господах до моего времени сохранились. Судя по вашему мундиру, вы из жандармского ведомства?

– Не совсем. Контрразведка, – коротко ответил штабс-капитан.

– Понятно. Маскарад, – понимающе кивнул Шатун. – Ну, тогда вы тем более должны знать, что все написанные в вашем ведомстве бумаги не уничтожают. Как и во многих других подобных. Так что мне есть, что и о ком вспомнить. Не скажу, что много, но думаю, вам хватит.

– Занятно. Весьма, – задумчиво протянул офицер. – И вы готовы поделиться со мной вашими знаниями?

– Не просто так, – решительно мотнул Руслан головой. – Раз уж я волею судьбы оказался тут, значит, придется выживать. Жить у знахарки бесконечно я не могу. В столицу не рвусь. Не по чину, да и не с моей мордой. А поселиться где-то тут, рядом, в городе, было бы неплохо. Ну и пенсия какой, что называется, для поддержки штанов. А там, глядишь, вы и службу какую мне придумаете.

– Сам я подобного вопроса решить не могу, – подумав, честно признался офицер. – Но даю слово, что приложу все усилия, чтобы просьба ваша была выполнена.

– Этого достаточно, – в очередной раз вздохнув, кивнул Руслан. – Я останусь дожидаться решения вашего начальства тут. Думаю, сейчас у вас другая задача.

– Верно. Лазутчика турецкого ловим, – нехотя признался штабс-капитан. – Под горца местного рядится, но реалий местных не знает толком. На том и погорел. Кое-кто из местных ему помогает. Отсюда и раненый в отряде. А лучшего лекаря, чем хозяйка ваша, в округе с огнем не сыщешь.

– Это верно, – задумчиво кивнул Шатун. – Михаил Сергеевич, дозвоьте вопрос.

– Конечно.

– Вы очень спокойно восприняли мое присутствие тут. И сразу поверили, что я говорю правду. Отчего?

– Ну, первым делом о вас мне ваша хозяйка сообщила, – чуть улыбнулся офицер. – И не стоит за это сердиться на нее. Она человек мирный. Можно сказать, божий. А ваши занятия с мешками да железом всяким ее несколько пугают. К тому, понимает она, что вы все одно не сможете тут долго жить. Нрав у вас не тот. Мудрая женщина, должен заметить. Ну и второе, я не раз слышал, что в местах этих иногда странные люди появляются. Так уже было. И наша служба от той встречи много получила.

– У вас уже были люди из моего времени? – подобрался Руслан.

– Лет пятьдесят тому назад, – спокойно кивнул штабс-капитан. – Документы по тому делу в тайне великой держатся. Так что, точно сказать, из вашего он времени или нет, ответить затрудняюсь. Но точно знаю, что такое уже бывало. Так что, как только хозяйка ваша про вас разговор завела, так я сразу все и вспомнил.

– Вроде на правду похоже, – тихо проворчал Руслан, в очередной раз вздыхая.

– Я, сударь, до лжи опускаюсь исключительно в интересах службы, – явно обидевшись, отрезал штабс-капитан. – Да и смысла особого мне тут перед вами Ваньку валять нет.

– Забыли добавить, не того полета птица, – не удержавшись, хмыкнул Шатун. – И то сказать. Вы граф, а я не пойми кто и не разбери откуда.

– Ну, вопрос про знакомство с князем Ростовцевым я не просто так задавал, – вдруг пожал штабс-капитан плечами.

– В каком смысле? – насторожился Шатун.

– В том, что князя Ростовцева зовут Владимир Иванович. А вас Руслан Владимирович. Удивительное совпадение, не находите?

– Ну, вряд ли князь захочет такого позора, даже ради интересов государства, – фыркнул Руслан. – Родовая честь не пустой звук.

– Вынужден вас огорчить, Руслан Владимирович. Князь Ростовцев известный мот и бонвиван, так что наличие у него незаконнорожденного сына никого в свете не удивит, – усмехнулся штабс-капитан. – Да и вообще, в свете нашем всякое случается. Иной раз послушаешь, и ушам собственным не веришь. Так что есть над чем подумать, – закончил он и, изящно поклонившись, направился в дом.

* * *

Штабс-капитан с казаками уехали, оставив раненого на попечение знахарки. А Шатун, уйдя на задний двор, опустил на колоду для рубки дров и попытался собрать в кучу судорожно разбегавшиеся мысли. Все чувства словно атрофировались, а в душе поселилась глухая, тоскливая пустота. Он и раньше догадывался, что оказался в месте, где не все ладно, но чтоб настолько...

Вздвигнув всем телом, Руслан поднялся и, перемахнув плетень, направился к ручью. Что он хотел там найти, лейтенант и сам не понимал. Просто шел куда глаза глядят. Оказавшись у бочажка, где обычно набирал воду, Шатун наткнулся взглядом на огромный раскидистый дуб и, постояв перед ним, с неожиданной силой всадил кулак в морщинистую кору громадного дерева. Рыча, словно зверь, он молотил по стволу, не чувствуя боли в разбитых кулаках и уже не осознавая, что происходит. В себя его привел усталый, негромкий голос знахарки:

– Не надо дерево ранить. Не он тебя сюда принес.

– А кто? – глухо спросил Руслан, уперевшись лбом в дерево.

Было горько и стыдно от собственного срыва, а еще хотелось лечь и просто сдохнуть, чтобы это закончилось. Все и сразу.

– Я не знаю, – устало вздохнула женщина. – Это очень старое место. Кто там бог, никто и не помнит. Но раз так случилось, живи. Ты сильный. Ты сможешь.

– У меня там семья осталась, – дрогнувшим голосом отозвался Руслан.

– Ты солдат. А солдаты, бывает, гибнут. Ты погиб для них. И если ты сумеешь это принять, сумеешь жить. Пойдем домой, – устало предложила женщина.

– Угу, – угрюмо кивнул Руслан и покорно поплелся за Хизарат к дому.

Дома, усадив его на лавку, знахарка заставила Руслана закатать штанины и, осмотрев уже зажившие шрамы, занялась его разбитыми кулаками.

– Совсем плохой, – ворчала она, смазывая ссадины какой-то мазью. – Мало мне ноги твои лечить, теперь еще и руки испортил. Тебе сначала надо было голову лечить, а потом ноги.

– Спасибо тебе, Хизарат, – нашел в себе силы поблагодарить Шатун. – И прости меня.

– Бог простит, – улыбнулась знахарка в ответ.

– А что с тем казаком? – сменил Руслан тему.

– Кровь много потерял, но жить будет, – уверенно заявила женщина. – Я такой рана много видел. Пуля в живот попал, но кишки целый.

От последней фразы Руслан поперхнулся. Похоже, эта лесная знахарка прекрасно знала, что такое перитонит и чем он грозит раненому. Впрочем, как говорили инструкторы во время его обучения, некоторые вещи мы старательно открываем, считая, что до нас их никто не знал, но однажды вдруг выясняется, что открытие это когда-то давно уже было сделано, а после старательно забыто. Хотя, если вспомнить, что она умудрялась без всякого рентгена сложить разбитые кости и срастить их, пользуясь только шинами, многое вставало на свои места.

Обработав ему руки, Хизарат вышла, оставив парня одного. Перебравшись с лавки на лежанку, Руслан откинулся на подушку и, прикрыв глаза, попытался разобраться в собственных чувствах. Да, в спецназе многому учат. Даже такому, что обычному человеку в страшном сне присниться не может. Но как поступать в подобной ситуации, ему никто и никогда не рассказывал. Но как ни крути, а Хизарат права в одном.

Там, в своем времени, он для всех умер. Погиб в бою. А значит, хозяйка права, и надо просто жить. Жить, выстраивая свою новую жизнь заново. Его размышления прервал чей-то громкий наглый голос. Чуть вздрогнув, Руслан мягко поднялся и, скользнув к двери, прислушался к происходящему в соседней комнате. Кто-то нахально требовал что-то от знахарки, а она отвечала ему спокойным, уверенным тоном. Языка Руслан не понимал, так что приходилось ориентироваться по интонациям.

Мысленно ругая местных мастеров, сладивших дверь без единой щели, Шатун встал так, чтобы иметь возможность с порога сильно озадачить любого, кто попытается войти в комнату, и, покосившись на собственные разбитые кулаки, шепотом выругался:

– Блин, институтка истеричная. Лучше бы лбом о тот дуб постучался.

Между тем в комнате, где Хизарат принимала больных, явно что-то происходило. Стучали сапоги по доскам пола, и несколько мужчин о чем-то переговаривались. Послышался очередной вопрос, и знахарка что-то резко возразила. В ответ раздалась звонкая оплеуха, и чье-то тело упало на пол. Сообразив, что на хозяйку напали, Руслан сделал шаг назад и со всей дури приложился ногой к двери.

Распахнутая таким радикальным способом створка с размаху шарахнула одного из гостей по организму, отшвырнув его на второго. Влетев в комнату, Руслан с ходу нанес удар стоявшему слева мужику с ружьем кулаком в горло и, тут же развернувшись, пнул еще одного бандита в колено, с удовольствием услышав тихий хруст ломающейся кости.

«Опыт, его не пропьешь», – мелькнула на периферии сознания мысль.

Одновременно с этим Шатун развернулся и по всем правилам всадил кулак в висок сшибленного приятелем бандита. Выхватив из его ножен кинжал, Руслан одним движением вогнал клинок в ключичную ямку ушибленному дверью и тут же метнулся к тому, что катался по полу, хрипло сипя от боли. Еще один удар в висок, и хромой затих окончательно. Подскочив к тому, что все еще пытался ухватить хоть один глоток воздуха, Шатун одним резким движением свернул ему шею и тут же бросился к двери комнаты, где хозяйка положила раненого казака.

– Все здесь. Остальные на улица, – тихо сообщила Хизарат, тяжело поднимаясь на ноги и, поморщившись, пощупала левую щеку.

– Кто это? – быстро спросил Руслан.

– Абреки. Их тот офицер ловит.

– Сколько их на улице?

– Еще шесть должно быть. Седьмой турок.

– И как его узнать?

– На нем самый богатый одежда будет, – зло усмехнулась женщина.

Сорвав с головы одного из бандитов папаху, Шатун прижал ее к ране и выдернул кинжал. Еще три клинка он снял с остальных тел. Оглядевшись, лейтенант задумчиво хмыкнул и, подняв выпавшее ружье, осмотрел замок. Капсюльный карамульдук. Из такого пока выстрелишь, выпасться успеешь. Да и не привычное это было оружие.

– Еще ножи есть? – повернулся он к хозяйке.

Кивнув, та вышла в свою спальню и, погремев там чем-то минуту, вернулась, неся в руках четыре кавказских кинжала.

– Откуда такие запасы? – удивился Руслан.

– Люди приносят всякое. Я не выкидываю. Иногда нужно бывает, – пожалала женщина плечами.

Выдернув принесенные клинки из ножен, Шатун взял их в левую руку веером и, засунув еще три клинка за веревку, заменявшую ему пояс, подошел к двери. Вылетать на улицу спятившим мячиком было глупо. Перехватив один кинжал поудобнее, Шатун осторожно открыл дверь и мягко выскользнул на крыльцо. Семеро мужчин, о чем-то негромко переговариваясь, стояли у ворот, держа в поводу коней. Не останавливаясь, Руслан спустился с крыльца и, поймав ритм, шагнул к противнику.

Шаг, и первый кинжал, прожужжав в воздухе, вошел в горло стоявшему к нему лицом абреку. Еще два шага, и следующий клинок разрубает грудину следующему бандиту. Кавказский кинжал оружие увесистое и, при должном усилии, способно пробить не только ребро. До противника осталось всего семь шагов, так что, остановившись, Шатун принялся метать кинжалы один за другим с пулеметной скоростью.

Последний бандит даже успел вскинуть свое ружье, когда клинок вошел ему прямо в глаз. Растерянно замерший мужчина в роскошной черкеске, шелковой рубашке и с богатым оружием с ненавистью уставился на парня, не сводя взгляда с кинжала в его руке.

– Оружие брось, – скомандовал Руслан, сопровождая слова жестами левой руки.

Но, похоже, турку подобные указания не требовались. Вытащив из-за пояса пару пистолетов, он бросил их на землю и, прибавив к ним кинжал, развел руки в стороны, всем своим видом показывая, что больше ничего нет.

– Отойди вон туда, к дому и ложись на землю лицом вниз, – продолжал командовать Руслан.

– Нет, – гортанно ответил турок.

– На землю. Больше повторять не стану, – пригрозил Шатун, отводя руку с кинжалом.

Сообразив, что это не шутка, турок выполнил приказ. Обойдя его так, чтобы оказаться со стороны ног, Руслан подал следующую команду:

– Руки за спину, – и дождавшись, когда она будет выполнена, одним движением распустил узел своего пояса.

Бросив кинжал на землю, он коленом прижал шею противника и, перехватив его запястья, крепко связал.

– Ты решил его офицеру подарить? – спросила Хизарат, выходя на крыльцо, и задумчивым взглядом окидывая устроенное парнем побоище.

– Ты сама сказала, что я должен начать тут жить. С чего-то начинать надо, – пожал Руслан плечами, поднимаясь.

– Тогда этого крепче свяжи, – посоветовала женщина.

– Не беспокойся. Не сбежит, – фыркнул Руслан, за шиворот вздергивая пленника на ноги.

Прижав его лицом к стене дома, он тщательно обыскал турка и, вытянув из пояса штанов короткий бритвенно острый нож, презрительно проворчал:

– Это мы уже проходили.

Не поленился парень запустить пальцы и за голенища роскошных сапог пленника. В правом сапоге обнаружился короткий тонкий стилет.

– Необычное оружие для горца, – хмыкнул Руслан, с интересом рассматривая кинжал. – Такое скорее можно найти у какого-нибудь итальянца или француза, но не у такого, как ты.

– Умный, – скривился пленник в ответ.

Не вступая с ним в долгие споры, Руслан прихватил с седла одного из коней аркан и, затащив турка в свою комнату, спеленал его так, что тот только и мог, что ворочать глазами и что-то мычать. На кляп Шатун тряпок не пожалел. Вернувшись на крыльцо, Руслан оглядел тела и, почесав в затылке, спросил:

– А что с телами делать будем?

– Сними с них все, что найдешь хорошего. Оружие, деньги и кони, это твое теперь. Я в аул схожу, за арбой. И помощь приведу.

– А местные не рассердятся, что я их убил? – озадачился Руслан.

– Это абреки, – пожалала женщина плечами. – Мой дом – место мира. Так всегда было. Мы лечили всех. И бандитов, и честных людей, и военных, и паломников. Но когда на мой дом нападали, все соседние аулы поднимались, чтобы наказать врага. Не станет лекаря, некому будет помогать людям. Они нарушили этот закон. А ты спас и меня, и того казака. Абреки бы зарезали его. Они хотели, чтобы я отдала им всех неверных, которые есть в доме. А это он и ты.

– Значит, я сделал все правильно? – уточнил Шатун.

– Да. Ты меня спас. И помни. Пока ты в моем доме, тебя никто не может трогать. Там, за воротами, ты сам, один. А здесь ты мой.

– Интересное заявление, – хмыкнул Руслан и, махнув рукой, отправился в дом. Нужно было вынести тела.

Вытащив все трупы на улицу, парень тщательно обыскал их и, проделав то же самое с теми, кто остался во дворе, сложил все найденное в прихваченную из дома корзину. Разобравшись с телами, Руслан приступил к осмотру лошадей и только тут сообразил, что почти не умеет ездить верхом. Да, несколько уроков верховой езды им преподавали, но только для того, чтобы боец мог уверенно держаться в седле. Ни о какой джигитовке или рубке речи не шло. Лошадь рассматривалась только как транспорт, чтобы добраться из точки в точку.

Мрачно хмыкнув, Шатун начал переводить коней на задний двор и расседлывать. Все снятые с коней переметные сумки он так же занес в дом, решив, что дразнить местных богатой добычей будет не самым умным занятием. Расседлав коней, Руслан обтер их пучками соломы и, налив в поилку, из которой поили коз – воды, отправился в дом. Войдя в свою комнату, он с интересом оглядел связанного турка и, заметив, что тот пытался высвободиться, мрачно поинтересовался:

– Что, не вышло? Даже не надейся, а попробуешь еще раз, свяжу так, что после руки с ногами отсохнут. Все понял?

В ответ турок только коротко кивнул.

* * *

– Однако вы сумели меня удивить, Руслан Владимирович, – протянул штабс-капитан, провожая взглядом казаков, которые увели пленника в закрытую карету.

– Сам в шоке, – буркнул Руслан в ответ, пытаясь прокачать ситуацию, но быстро понял, что для этого слишком мало исходных данных.

– Что, простите? – повернулся к нему Рязанов.

– Повезло, говорю, – выкрутился Шатун.

– Думаю, вам будет лучше отправиться с нами, – чуть подумав, заявил штабс-капитан. – В любом случае вам нет больше смысла прятаться в этом доме.

Слишком громко вы сумели о себе заявить. В одиночку, одними кинжалами, десяток абреков положить, это, сударь, для местных совсем не шутки. Боюсь, вы теперь станете объектом охоты для всех, кто мечтает прославиться как могучий воин. А таких тут немало.

– Это понятно, – задумчиво кивнул Руслан. – Но позвольте вопрос.

– Извольте, – кивнул Рязанов, разворачиваясь к нему всем телом.

– Что я там у вас буду делать? Чем заниматься? Да и жить мне где-то надо.

– Этот вопрос мы решим, – отмахнулся штабс-капитан. – А чем заниматься, всегда найдется. Уж поверьте, скучать тут не приходится. К тому же, как сами можете видеть, турки тоже без дела не сидят и воду в горах мутят старательно. В общем, дело нам с вами найдется.

– А жить на что прикажете? – не унимался Руслан, попутно проигрывая дальнейшее развитие событий.

– Помилуйте, Руслан Владимирович, – изумился офицер. – Вы ж с бандитов неплохую добычу взяли. Вон, еще и коней хороших десятков имеете. Продадите, вот вам и деньги на первое время.

– Добычу еще продать надо, – проворчал Шатун.

– Приставлю к вам своего человечка. Он поможет. Плут и пройдоха, каких поискать, но уж если чего продать, купить или достать, цены ему нет, – усмехнулся Рязанов.

– Ладно, – вздохнул Шатун. – Похоже, вы твердо решили забрать меня отсюда, и иного выхода у меня нет.

– А вот тут вы совершенно правы, – хищно усмехнулся штабс-капитан. – Но согласитесь, оставлять человека с вашими познаниями без присмотра, это по меньшей мере глупость несусветная.

– Решили засунуть меня в какой-нибудь монастырь? Или сразу в тюремную камеру? – прямо спросил Руслан.

– Господь с вами, – отмахнулся Рязанов. – Это лишено смысла. Уж поверьте, применение вашим знаниям и умениям мы найдем, и для доброго согласия применять подобные меры, согласитесь, не очень правильно. Так что не придумывайте себе никаких глупостей.

– А начальство о вашей инициативе знает? – спросил Руслан, уже прикидывая, как погонит целый табун коней.

– Еще нет. Гонец от Хизарат нашел нас в дороге. Но за этим дело не станет. Как в Пятигорск вернемся, сразу же письмо с отчетом отправлю. Думаю, все решится очень быстро. Так вы готовы ехать?

– Собраться надо, – задумчиво вздохнул Руслан. – Да и коней как-то перегонять нужно.

– За это не беспокойтесь, – отмахнулся штабс-капитан. – Коней ваших мои казаки перегонят. Вы, главное, собственные вещи соберите.

– Нищему собраться – только подпоясаться, – хмыкнул Шатун, направляясь к дому.

– А где седла, что вы взяли? – уточнил штабс-капитан.

– В сарае, – указал Руслан рукой, поднимаясь на крыльцо.

Все взятое с бандитов давно уже было проверено и рассортировано. Так что все нажитое непосильным трудом уместилось в одном комплекте переметных сумок. Оружие было увязано в два тюка. Пороховницы, свинец, пыжи также были аккуратно разложены в отдельные узелки. В общем, оставалось только уложить все это в коляску и попрощаться с хозяйкой. Знахарку он нашел на заднем дворе. Женщина кормила кур, рассыпая зерно. Увидев его, Хизарат отложила миску и, вытирая руки передником, шагнула навстречу, улыбнувшись:

– Едешь?

– Да. Спасибо тебе. За всё. Я там, в своей комнате, на столе оставил кое-что. Это для тебя, – чуть смутившись, быстро сказал Руслан.

– Знаю, – снова улынулась женщина. – Ты когда оружие продавать станешь, кинжалы хорошо смотри. Там и кубачинских мастеров клинки были. Их себе оставь. Пригодятся.

– Спасибо, – кивнул Руслан, вспомнив, что подобное оружие изготавливалось из дамасской стали.

– Ты воин. Тебе надо, – кивнула женщина и, сделав странный жест рукой, тихо добавила: – Ступай.

Неловко поклонившись ей, Шатун круто развернулся и поспешил на улицу. Казаки уже увязали всю поклажу в багажном отсеке коляски и, оседлав трофейных коней, увязали их пугом. В общем, все только его и ждали. Увидев парня, штабс-капитан, неторопливо пыхтевший папироской на сиденье коляски, жестом указал ему на место рядом и, дав ему усесться, коротко приказал своему вознице:

– Трогай.

Извозчик, или кучер, или, как он тут называется, тряхнул поводьями, и каурая пара навалилась на построжки. Коляска разогналась, и вся кавалькада пошла бодрой рысью. Оглянувшись, Руслан задумчиво посмотрел на катившую следом карету и только теперь понял, что его насторожило.

– Михаил Сергеевич, а откуда карета взялась? Вы ж вроде без нее в прошлый раз приезжали, – повернулся он к штабс-капитану.

– Без нее, – спокойно кивнул офицер. – В соседнем ауле оставили, чтобы не гонять попусту. В этих местах и верхом-то не везде проехать можно, что уж про карету говорить. Я бы, признаться, и коляску где оставил, да только мне это не по чину. Невместно. Раз уж начальство, то обязан соответствовать, – иронично усмехнулся Рязанов.

– Тогда и мне не по чину с вами рядом сидеть, – моментально отреагировал Руслан, внимательно отслеживая реакцию офицера.

– Уж простите великодушно, но это мне решать, – улыбнулся Рязанов.

– И такое решение не может стать уроном для вашей чести? Я ведь не дворянин и того не скрываю, – не сдавался Шатун.

– Напомните мне вашу фамилию, сделайте одолжение, – попросил штабс-капитан, пряча усмешку в уголках губ.

– Ростовцев, – ответил Руслан, начиная о чем-то догадываться.

– Верно. А Ростовцевы род в империи известный. И кто сказал, что вы к ней касательства не имеете?

– Но ведь у меня для такого величания ни одного доказательства нет. Ни одной бумаги. А это уже самозванство, – нашелся Шатун.

– А вам и не нужны бумаги, – весело хмыкнул штабс-капитан. – Вы сами себе доказательство.

– Не понимаю, – удивленно качнул Шатун головой.

– Ваши глаза. Князь Ростовцев, да и многие мужчины в их семье имели такую же особенность. Разные глаза. Цвета менялись, но глаза всегда были разные. Их даже некогда считали одержимыми из-за этой особенности. Так что, если я скажу, что вы князь Ростовцев, все воспримут это как должное. Даже в свете.

– Вот так просто? – не поверил Руслан.

– А самые правильные решения обычно самые простые, – усмехнулся штабс-капитан. – Да к тому же, как я уже говорил, Владимир Иванович человек весьма в связях неразборчивый был. Так что никого это не удивит. Посмеются, и только.

– Очередной бастард, – понимающе хмыкнул Руслан.

– Ну, зачем же так грубо. Ежели сложится все, как я задумал, то и маменьку вам из доброй семьи подберем, – пожал Рязанов плечами, продолжая чуть заметно улыбаться. – Славно, что и фамилия ваша, и отчество отменно к нашим реалиям подошли. Даже придумывать ничего не придется. А уж мне вас учить, как это использовать, думаю, не придется.

– Интересного вы обо мне мнения, – покачал Руслан головой. – С чего бы? Я же вам пока ничего толком о себе не рассказывал.

– Это верно. Но кое-что мне о вас уже известно.

– И что же, позвольте полюбопытствовать? – не сдержался Шатун. – А главное, почему вы вдруг мне поверили? Про появления странных людей я уже слышал. Но это ведь еще не доказывает, что я тот, за кого себя выдаю.

– Отрадно. Я рад, что не ошибся в вас, – кивнул штабс-капитан. – А теперь попробую объяснить вам свою уверенность. Первое – вы с самого начала не стали признавать, что князь Ростовцев вам родственник. Наоборот, отказались от знакомства с ним. Даже несмотря на сходство глазами. Второе, ваша речь.

– А что моя речь? – быстро уточнил Руслан.

– Вы строите фразы не так, как мы. Вроде и по-русски говорите, а все одно иначе. Словно иностранец какой. К слову, скажите, вы какими еще языками владеете?

– Английский, немецкий, итальянский свободно, а еще с полдюжины только, чтобы допрос провести, – вздохнул Руслан.

– Отменно, – кивнул штабс-капитан. – Третье, вы не стали скрывать, что были пластуном, и доказали это делом. Уж вы мне поверьте, что положить десяток абреков одними только кинжалами это не шутка. Такому учиться надо. Долго.

– Это все понятно. Но это никак не доказывает, что я сказал вам правду о самом главном, – не сдавался Руслан. – Такому можно и сейчас выучиться. А если я вдруг лазутчик иностранной державы?

– Я решил довериться словам вашей спасительницы, – пожал Рязанов плечами. – Хизарат женщина мудрая. Уж не знаю, кто ей помогает, но семья ее и вправду всем столичным врачам может сотню очков вперед дать в деле врачевания. Только что мертвых не поднимает. Я в этих местах вот уже десять лет служу, и самому ее умениями пользоваться приходилось. Знаю, о чем говорю. А она мне тело ваше во всех подробностях описала. Уж простите великодушно, но человека подобных вам статей в наших краях найти сложно. Точнее, невозможно. Один рост чего стоит. Одно слово, великан. Так что, окажись вы в наших палестинах откуда-то из-за границы, я бы о том уже давно знал. Такое не скроешь.

«Блин, а ведь верно, – подумал Руслан, быстро анализируя услышанное. – В этом времени люди, по нашим понятиям, были роста ниже среднего. Таких, как я, по пальцам пересчитать можно. Выходит, именно это стало главным доказательством моего не местного происхождения. Ладно. Раз уж так сложилось, будем пока плыть по течению и внимательно смотреть вокруг. Похоже, я тут и вправду словно белая ворона».

– О чем задумались, Руслан Владимирович? – в свою очередь спросил Рязанов.

– Пытаюсь понять, что будет дальше и как теперь жить, – признался Шатун.

– Ну, дальше что-нибудь да будет. А жить... – штабс-капитан замолчал, словно подыскивая правильные слова. – А жить я вам советую честно. Уж поверьте, я вас не оставлю. Будете честны со мной, и я сделаю все, чтобы дальнейшая жизнь ваша была доброй. Готов в том слово чести дать.

– Благодарю, Михаил Сергеевич. Но я вроде к сомнениям пока повода не давал, – кивнул Руслан.

– Верно. Не давали. Но и рассказываете не все.

– Во многих знаниях многие печали, – чуть пожал Шатун плечами. – И это не потому, что я не хочу вам что-то рассказывать, а потому, что многие вещи вам лучше вообще не знать. Как говорится, целее будете. Но когда потребуется, я постараюсь выдать вам всю нужную информацию. Так будет лучше и для вас, и для меня.

– Все еще не доверяете? – прямо спросил штабс-капитан.

– Дело не в том, – качнул Руслан головой, сообразив, что офицер еще не догадался, о чем именно идет речь. – Подумайте сами. Что будет, ежели кто-то из врагов государства вдруг узнает, что некий штабс-капитан обладает знаниями, которые у него никак не могли оказаться? Уж простите, но граф Рязанов не самая большая величина в вашей службе. А ваши заклятые друзья в способах ведения тайной войны не особо разборчивы. Выкрадут и станут выпытывать, откуда что узнали. Уж поверьте, в этом деле они большие мастера.

– В таком ключе я об этом деле не думал, – нехотя признался штабс-капитан, заметно помрачнев.

– Понимаю. Привыкли, что любая игра ведется по правилам, – кивнул Шатун. – Но поверьте человеку, который знает, о чем говорит. Для британцев, французов, а уж тем более турок, никаких правил не существует. Особенно в этом отличились британцы. Каких только гадостей ни использовали, лишь бы своей цели добиться.

– Похоже, вы их крепко не любите, – удивленно проворчал Рязанов, доставая из портсигара очередную папиросу.

* * *

Дорога до Пятигорска заняла двое суток. Ночевать кавалькада встала на постоялом дворе при трактире в большом селе. Названия его Руслан узнать не удосужился. Не до того было. Мысли лейтенанта были заняты будущим. Точнее, попыткой осознания того, что будет дальше. Почти открытое предложение штабс-капитана занять место побочного сына местного дворянина Руслана слегка коробило. Помня, что за подобное самозванство в местных реалиях запросто можно загреметь на каторгу, Шатун напрягался.

Бренчать кандалами в случае, если местным особистам что-то не понравится, не хотелось. От слова совсем. Впрочем, раз уж обратной дороги не было, то и стесняться ему было нечего. В случае если дело запахнет жареным, у него найдется, чем крепко удивить местные власти. Россия страна огромная, а выживать его учили на совесть. Успокаивая себя подобными мыслями, Руслан выбрался из коляски и, не обращая внимания на удивленные взгляды казаков, принялся расседлывать своих коней. Их нужно было как следует обиходить и, дав остыть после долгой скачки, напоить.

– Руслан Владимирович, что это вы делать собрались? – остановил его голос штабс-капитана.

– Коней обиходить надо, – развел Шатун руками.

– У нас для этого казаки есть. И прислуга в конюшне местной имеется, – строго напомнил офицер.

– Так казаки у вас в подчинении, а обслуге платить надо. А у меня пока в кармане только вошь на аркане, – нашелся Руслан, сообразив, что учинил серьезный косяк.

– Не извольте беспокоиться, сударь. Обиходим ваших лошадок со всем старанием, – басом прогудел кряжистый казак с роскошными усами и аккуратной бородкой. – Животина, она тварь божия, и вины перед людьми не имеет. Ступайте с богом.

– Благодарствую, станичники, – нашелся Руслан, слегка склонив голову.

Быстро переглянувшись, казаки одобрительно заулыбались и вежливо склонили головы в ответ.

– Дозвольте спросить, сударь, – выступил вперед казак средних лет. – Вы с лошадами чего делать-то хотите? Для чего в город гоните?

– Так продам. Чего еще-то? Куда мне табун такой, – пожал Шатун плечами, не понимая смысла вопроса.

– И почему торговать станете? Я б вон того мерина у вас сторговал, – указал казак на высокого, крепкого коня темно-рыжей масти.

– Так я пока толком цен не знаю. А сколько он стоить может? – окончательно растерявшись, уточнил Руслан.

– Ну, ежели у барышника, да с седлом, тридцать пять рублей встанет без всякого торга, – пробасил казак, что обещал присмотреть за табуном. – Пять за седло и тридцатку за самого мерина.

– Тридцать? – озадаченно переспросил Руслан.

– Так ведь мерин же, – развел казак руками. – Приплода от него не дождешься. А в бою да в работе добра лошадь будет.

Мерин и вправду выглядел лучше всех остальных коней. Он был менее потным, что говорило о хорошей выносливости, и дышал не так тяжело, как остальные. Бросив на казаков быстрый, внимательный взгляд, Руслан вдруг понял, что это своего рода проверка и от ее результата

будет что-то зависеть. Что именно, пока было плохо понятно. Простецким жестом, почесав в затылке, Шатун махнул рукой и, кивнув, решительно заявил:

– Ну, тридцать пять так тридцать пять. Забирай.

– От то добре, – обрадованно пробасил кто-то.

– Сей момент деньгу соберу, – быстро кивнул спросивший про коня казак и, развернувшись, быстрым шагом направился к своей лошади.

– А оружие трофейное тоже продавать станете? – поинтересовался обладатель могучего баса.

– Конечно. Отберу только, что самому пригодится, а остальное продам, – кивнул Руслан.

– Тогда вы, сударь, ступайте отдыхать, а казаки после вам тюки ваши в комнату принесут. А уж после, коль дозволите, мы бы и посмотрели. Может, что интересное и присмотрим, – кивнув, заявил казак.

– Хорошо. Так и поступим, – не стал кобениться Руслан и, развернувшись, последовал за штабс-капитаном в трактир.

– Правильное было решение, Руслан Владимирович, – одобрил его действия Рязанов, когда они уже умылись и уселись за стол, чтобы поужинать.

– Я тоже подумал, что поддержка ваших рубак будет мне не лишней, – честно признался Шатун.

– Они не мои. К сожалению, – усмехнулся штабс-капитан. – Это приданный десяток, по договоренности с атаманом. Уложение о казачьем воинстве это, сударь мой, иная песня. Живут они своим укладом. Власть признают только свою. А с империей имеют твердый договор о несении порубежной службы и защите государства от врага внешнего. Обо всех остальных делах нам приходится договариваться с их выборными или самим атаманом.

– А вам это не нравится? – с интересом спросил Руслан.

– Откровенно говоря, мне это в делах мешает, – чуть поморщился Рязанов. – А вызывать солдат из центральных губерний долго и бессмысленно. Вот вы их рубакими назвали, а ведь ежели сравнить этих башибузуков с той же гвардией, то и не знаешь, на кого ставить. Вы что-нибудь знаете о том, какие испытания их молодежь выдерживает, чтобы стать реестровыми казаками?

– Знаю, – спокойно кивнул Руслан, про себя подумав: «Это ты, мил друг, еще не слышал, какие экзамены в нашем времени бойцы сдают».

– Занятно, – оживился штабс-капитан. – И многое из такого вам известно?

– Очень. Как я уже говорил, по местным меркам я командир взвода пластунов. И уж поверьте, далеко не всякий пластун из знакомых вам сможет противостоять мне.

– Ну да, ну да, – задумчиво кивнул штабс-капитан. – В вашем умении владеть белым оружием я уже убедился.

– Не совсем так, – качнул Руслан головой. – В рубке я вашим казакам уступлю. Нас другому учили. А вот что касается ножевого боя, да драки на кулаках, вот тут я всем вашим бойцам могу фору дать.

– А стрельба? – тут же последовал вопрос.

– А вот со стрельбой все сложно. Оружие у нас другое. Совсем. Так что, чует мое сердце, что придется мне привыкать к вашим грохоталкам. Ну, или что-то переделывать так, чтобы было ближе к привычному мне.

– А это так сложно? – быстро спросил штабс-капитан.

– Сложно, – решительно кивнул Руслан. – И тут беда не в том, что вы дурнее или неграмотнее. Нет. Вся беда государства в том, что промышленность тут почти не развивается. Вы же сырьем торгуете. Если сталь, то в слитках, если воск, то бочонками. А если хлеб, то зерном. А сами и не пытаетесь все это перерабатывать. Не хотите своими товарами торговать. Отдаете сырье, а потом из него же сделанные товары втридорога за границей закупаете.

– И не поспоришь, – снова скривился Рязанов. – И что вам нужно, чтобы подходящее вам оружие сделать?

– Ну, кое-какое железо я трофеями взял. Сейчас поедем, и пойду их разбирать. Отберу то, что переделать можно, и подумаю. А нужен мне будет толковый литейщик и хороший кузнец и механик. Тут еще кое-что пересчитать надо будет. Вы же только дымным порохом пользуетесь.

– А что, еще какой-то бывает? – подобрался штабс-капитан.

– Можно сделать. Но производство это весьма опасно. Одна искра, и взрыв будет такой, что полгорода снести может. Утрирую, конечно, но там все серьезно, – быстро добавил Руслан, сообразив, что перегибает палку.

– И что требуется для изготовления нужного вам пороха? – тут же последовал очередной вопрос.

– Очищенный хлопок, спирт и кислота, – пожав плечами, перечислил Шатун.

– Шутить изволите? – посуровел Рязанов. – И что там будет вспыхивать?

– И не собирался, – качнул Руслан головой. – А вспыхивать будет то, что получится из хлопка после обработки его кислотой и спиртом. Уж поверьте, самый первый бездымный порох именно так и был сделан.

– Удивительно, – качнул штабс-капитан головой. Их беседу прервал половой, подавший тарелки с наваристыми щами и плетеную корзинку с ноздреватым свежим хлебом. Отложив обсуждение дальнейших дел, собеседники взялись за ложки, отдавая должное искусству местной стряпухи. Следом за щами на столе появился заяц, тушенный в сметане, и миска местных солений, от которых во рту разгорался пожар. Наевшись до сонной одури, Руслан откинулся на стену трактира и, обведя зал ленивым взглядом, проворчал:

– Удивительно, но продукты тут очень вкусные.

– Обычные, – пожал штабс-капитан плечами, отодвигая пустую тарелку.

– Для вас, но не для меня. Уж поверьте, мне есть с чем сравнивать, – вздохнул Руслан, припоминая список всяких нитратов и нитритов в колбасе.

– Ну, уже что-то хорошее для вас, – улынулся в ответ Рязанов.

– Пожалуй, – кивнул Руслан, поднимаясь. – Если позволите, то чаю у себя в комнате попить. Заодно и оружие трофейное разберу.

– Конечно, – быстро кивнул офицер. – Я зайду к вам чуть позже, если позволите.

– Извольте. Спать я пока не собираюсь, – кивнул в ответ Руслан, направляясь к лестнице, ведущей на второй этаж.

Но вернуться в свою комнату парень не успел. Сидевшая за длинным столом крепко подгулявшая компания принялась о чем-то спорить, и одному из спорщиков оппонент крепко дал в рыло, отшвырнув прямиком на Шатуна. Перехватив летящее на него тело, Руслан утвердил его на ногах и, иронично хмыкнув, посоветовал:

– Аккуратнее надо быть, любезный.

– Да ты кто такой, морда?! – взвыл ударенный и, от души размахнувшись, попытался врезать ему в челюсть.

Ловко пригнувшись, Руслан пропустил удар над головой и, разгибаясь, всадил кулак в пьяную рожу. По всем правилам, от бедра. Бедолагу аж подкинуло. Грохнувшись на пол, пьяный буян раскинул конечности в разные стороны и резко прикинулся половиком, потеряв сознание.

– Братцы, наших бьют!!! – раздался вопль, и в следующую минуту на Руслана нахлынула лавина из шести тел, старательно размахивавших кулаками.

Стремительно метнувшись в сторону, Шатун парой десятков ударов раскидал эту толпу и, оглядев стонущие тела, презрительно фыркнул:

– Не умеете пить, дерьмо через тряпочку сосите.

Эти слова были встречены громким, одобрительным смехом. Рязанов и вскочившие из-за своего стола казаки не успели даже по паре шагов сделать, как все было кончено.

– Однако ловок ты, ваше благородие. Шестерых угомонил и не запыхался, – одобрительно высказался обладатель могучего баса. – Любо.

– Любо! – дружно поддержали его казаки.

– И правда лихо, – присоединился к ним Рязанов.

– Думаю, теперь вы понимаете, о чем я говорил, – пожал Руслан плечами.

Вернувшись в свою комнату, он развязал тюки с оружием и взялся за осмотр. Из всей кучи доставшегося ему железа Шатун отложил только пару капсюльных револьверов, богато украшенный по ложу и прикладу штуцер и пять кинжалов с характерным узором на клинках. Настоящую сталь ни с чем не перепутаешь. Все трофейные сабли оказались из слабого железа. Увязав все отложенное в отдельную вязку, Руслан, чуть подумав, принялся чистить остальное. Благо масло и ветошь нашлись.

За этим занятием его и застали казаки, вежливо постучавшиеся в двери комнаты. Увидев, чем он занят, опытные бойцы в очередной раз переглянулись и, одобрительно покивав, чинно расселись, кто где сумел пристроиться. Пара самых молодых казаков уселись прямо на пол, сложив ноги по-турецки.

– Выбирайте, кому что глянется, – предложил Руслан, указывая ладонью на оружие. – Хотя, по чести сказать, тут и смотреть особо не на что.

– Не скажи, ваше благородие, – ответил обладатель баса, вертя в руках ружье. – Вот у этого, к слову, и ствол не сильно изношенный, и отверстие для капсюля не сильно горелое. Послужит еще ружьишко. Новое червонец бы точно стоило. А так шесть рублей смело просить можно.

– Ну, шесть так шесть, – отмахнулся Руслан, заканчивая вычищать очередной ствол и берясь за следующий. – Ты их все осмотри и цену скажи. А дальше видно будет. Что осмотришь, вон, на столе раскладывай.

– Добре, – кивнул казак и принялся деловито оценивать предложенные трофеи. – Ваше благородие, а чего ты их чистить-то взялся? – спросил он, не удержавшись.

– Так раньше некогда было, – пожал Руслан плечами. – А оружие без ухода продавать, себя не уважать.

– Любо, – дружно отозвались казаки.

В итоге, после долгих споров и осмотра оружия, у Руслана разобрали почти весь огнестрел. Казаки все были семейными и готовились отправлять сыновей в полевые лагеря, где их будут обучать премудростям казачьей службы. Так что толковое оружие им было просто необходимо.

* * *

– Ох, и ловок ты, благородие, – восхищенно протянул пожилой казак, попыхивая небольшой трубочкой. – Это где ж такому учат?

– Нашлись добрые люди, научили, – хмыкнул в ответ Руслан, выдергивая из полена все, что с таким старанием в него вбивал.

А выдергивать было что. Тут и длинный, миллиметров в сто пятьдесят, кованый гвоздь, и старый серп, и небольшой плотницкий топор, и пара ножей, и даже лопата без черенка. И все это он, согласно правилам, всадил в полено диаметром примерно в двести миллиметров, лежавшее на поленнице дров. Такие тренировки он начал практиковать ежедневно с того дня, как кавалькада въехала в Пятигорск, и коляска остановилась на подворье дома, где и проживал штабс-капитан Рязанов.

– Вот и прибыли, – с облегчением выдохнул офицер, выбираясь наружу.

– Я так понимаю, что вы решили поселить меня в своем доме? – на всякий случай спросил Руслан, хотя и так все было понятно.

– Уж не обессудьте, Руслан Владимирович, но отпускать на вольные хлеба человека с вашими знаниями я просто права не имею. Да вы не беспокойтесь. Дом хоть и не большой, но места нам с вами хватит. Живу я один. Так что не стесните.

– Прошу прощения за вопрос, а как же семья ваша?

– Вдовец я, – вздохнул Рязанов. – Детей не нажили, вот и живу бобылем. Да времени для подобных эскапад не имею. Все служба да служба.

– Понимаю, но думаю, что решить подобный вопрос вам просто необходимо, – не удержавшись, высказался Шатун. – Уж простите, что со своим уставом, да в чужой монастырь, но ежели кому и растить детей, то первым делом тому, кто родине честно служит. Чтоб потом было кому его сменить.

– А сами что же? Сказали-то очень правильно, но про семью и словом не обмолвились, – мягко упрекнул Руслана офицер.

– Так не успел, – развел Шатун руками. – Сперва учился, потом, опять учиться отправили, а после вообще убили. Да и было мне о ком прежде заботиться. Мать да две сестренки младшие.

– Приношу свои извинения, – церемонно ответил Рязанов, сообразив, что влез не туда.

– Бог простит, – кивнул Руслан.

– Дозвольте еще один личный вопрос, раз уж разговор такой зашел?

– Извольте.

– Я еще ни разу не видел, чтобы вы улыбались. Отчего?

– Не получается, – вздохнул Руслан, ткнув пальцем себе в щеку. – Мышцы сильно посекло. Больно становится, и вместо улыбки оскал какой-то выходит. Таким только врагов пугать.

– Я так и подумал, – кивнул Рязанов с заметным облегчением. – Что ж. Милости прошу, – широким жестом указал он на крыльцо небольшого двухэтажного дома. – За багаж не извольте беспокоиться. Все в ваши комнаты отнесут. А коней ваших я велел на нашу гарнизонную конюшню определить. Там за ними присмотрят. Только конюхам после по полтине за работу дадите, и ладно.

– Это само собой, – быстро кивнул Руслан, понимая, что все сделано правильно.

Едва поднявшись на крыльцо, они были встречены пожилой, но весьма энергичной женщиной ниже среднего роста. Подвижная, словно ртуть, она словно не могла устоять на месте. Завидев графа, та всплеснула руками и, подпрыгивая, словно мячик, зачастила:

– Михал Сергееч, ну разве ж можно так-то, голубчик? Который день уж по горам этим проклятым носишься. Не мальчик, чай. Неужто кого помоложе да чином помладше нету?

– Уймись, Глафира Матвеевна, – улыбнулся граф, обнимая ее. – Сама знаешь, служба у меня такая. Вот, познакомься. Это Ростовцев, Руслан Владимирович. Сослуживец мой. Погостит пока у нас.

– Милости просим, сударь, – отпустив графа, вежливо поклонилась женщина. – Я тут при его сиятельстве заместо экономки служу. Так что, ежели чего надобно, разом меня зовите.

– Благодарствую, Глафира Матвеевна, – поклонился Руслан в ответ.

– Да господь с вами, сударь. Матвеевной кличьте, и ладно, – отмахнулась женщина и тут же куда-то унеслась, только подол мелькнул.

– Шустрая дама, – усмехнулся Руслан.

– Глафира в доме нашем всю жизнь служит. Как пришла с супругой моей, так и осталась, – грустно улыбнулся Рязанов. – Иной раз и не знаю, кто в доме хозяин. Я или она. Но вы не беспокойтесь, Руслан Владимирович. Уж чего-чего, а порядок у нее настоящий, можно сказать, армейский. Идемте, покажу вам ваши комнаты.

Как оказалось, гостевые комнаты находились на втором этаже, через кабинет от личных покоев хозяина. Руслану отвели две комнаты. Спальню и что-то вроде малой гостиной. Оглядев полученные апартаменты, Шатун с интересом пощупал матрас на кровати, оказавшийся натуральной периной, и, оглядев в небольшое зеркало собственный вид, мрачно проворчал:

– Блин, придется с самого начала начинать. Не в рубище же этом ходить.

Дождавшись, когда хозяин позовет его в столовую, Руслан задал волнующий его вопрос по поводу внешнего вида. Понимающе кивнув, штабс-капитан на короткое время задумался, после чего медленно, с расстановкой проговорил:

– Признаться, я в некотором замешательстве. Одевать вас в партикулярное платье будет несколько неправильно. Как ни крути, а вы офицер. Пусть и не нашей армии. Но и в форму вас одеть я пока не имею права.

– А могу я одеться, к примеру, в офицерский френч, но без знаков различия? Или в ту же черкеску? Это не будет нарушением каких-либо правил?

– Пожалуй, что и нет, – чуть подумав, кивнул Рязанов. – Завтра дам вам провожатого из своего десятка. Он покажет, где лучше приобрести нужное.

Руслан решил принять соломоново решение. У портного он заказал френч, вроде тех, что были модны в сороковых годах двадцатого века. А на базаре приобрел черкеску, шелковую рубашку и отличные хромовые сапоги. На обновки у него ушли почти все деньги, вырученные от продажи казакам коня и оружия. Так что пришлось попытаться ускорить продажу всего остального. Но казак, выделенный ему в проводники, посоветовал не торопиться.

Как оказалось, вопросом этим занимался хорунжий. Тот самый обладатель роскошного баса. Он и попросил сопровождавшего парня казака передать, что все будет сделано как надо, и главное, не спешить. На вопрос Руслана, с чего вдруг такая милость, казак удивленно хмыкнул и, расправив усы, ответил:

– Так вы ж, ваше благородие, к нам по-людски отнеслись, нешто мы станем злом платить. И мерина, и оружие по нашей цене отдали и не поморщились. Мы такое не забываем. Да и побратима нашего от абреков спасли. Там, у знахарки. Вон, и в одежду нашу одеться не брезгуете, – закончил казак, кивая на узлы с обновками.

– Благодарствую, – вежливо кивнул Руслан в ответ. – А скажи, Андрей, где тут можно кузнеца толкового найти и литейщика. Желательно, чтобы оружейники были.

– Есть такой, – подумав, медленно, словно нехотя кивнул казак. – Но вы уж, сударь, не обессудьте, только дело с ним иметь сложно. Тяжелый он человек, хоть и мастер, каких поискать.

– Ну, мне с ним детей не крестить, – хмыкнул Руслан. – А то, что мастер, так мне такой и нужен. Сведешь?

– Сегодня поздно уже. А завтра чего ж не свести? Сведу, – махнув рукой, согласился казак.

Утром следующего дня, едва проглотив поданный Матвеевной завтрак, Руслан сгреб все оставшееся оружие и, прихватив трофейные револьверы, найденные им в переметной суме турка, поспешил к мастеру. Кузнец оказался таким, как их рисуют на картинках и описывают в романах. Невысокого роста, широкоплечий, с могучими руками, заросшими густым черным волосом. Широкая, коротко подстриженная борода, густые черные волосы с проседью и огромные, словно лопаты, ладони в старых ожогах.

Поздоровавшись, Руслан с ходу вывалил на стол свой трофей и попросил мастера оценить его. Бросив на оружие короткий взгляд, кузнец презрительно хмыкнул и, пожав могучими плечами, прогудел:

– Ты б, барин, лучше все это на базар снес, чтобы не позориться. Тут не оружие, а названье одно.

– Знаю, что все это не великой ценности, но ведь это только начало, – хмыкнул Шатун в ответ.

– Клинки перековки требуют. А ружья... – кузнец не глядя выдернул из кучи один ствол и, быстро осмотрев замок, продолжил: – Ружья так вообще переделывать надо. Только и добра, что стволы не сильно изношены.

– Сколько за все дашь? – не унимался Руслан.

– Трешку. Или на базар неси, – отмахнулся кузнец.

– Митрич, ну ты совесть-то поимей, – не удержался казак. – Человек к тебе с добрым делом, а ты...

– А ты меня не совести, – рыкнул кузнец в ответ. – Одно дело, самому клинок ковать, и совсем другое, переделывать. Трешка и весь мой сказ.

– Добро. Пусть так, – остановил Руслан разгоравшийся спор. – У меня и вправду есть к тебе серьезное дело, мастер.

– А к чему тогда это все? – удивленно кивнул мастер на разложенное оружие.

– Ну, с чего-то разговор начать надо было, – развел Шатун руками.

– И что за дело? – заинтересованно уточнил кузнец, складывая громадные руки на широкой груди.

– Вот смотри, – начал Шатун, вытаскивая из кармана лист бумаги, на котором успел набросать эскизы всего нужного. – Это вроде стаканчиков из латуни с дырочкой в днище под капсюль. Вот здесь закраина. А вот это ты не глядя сделаешь, – зачастил он, тыча пальцем в эскизы.

– Погоди, барин. Не так быстро, – осадил его кузнец.

– Зови меня Русланом. Ну, или Шатуном. Так проще, – отмахнулся парень, пытаясь вернуться к делу.

– Это за что ж тебя так-то? – удивился кузнец. – Шатун зверь опасный. Злой. От такого добра не жди.

– Было дело, сослуживцы окрестили, – отмахнулся Руслан. – Так вот. Это самое главное, что мне нужно. Я вот тут принес с собой, для образца, – частил он, доставая из сумки трофейный револьвер. – Вот смотри. Здесь все сделано под капсюль. А я хочу сделать так, чтобы патрон был с порохом, капсюлем и пулей, един. В одной гильзе. Для этого нужно вот этот барабан переделать. Сумеешь?

– Один в один, под пять патронов? – задумчиво уточнил кузнец.

– Да.

– Дай глянуть.

Забрав револьвер, кузнец отошел к окну и, вертя его в руках, принялся что-то тихо бубнить себе под нос. Пару раз щелкнув курком, он оценивающе посмотрел на парня и, огладив бороду, спросил:

– Думаешь, будет стрелять?

– Обязательно будет, – решительно кивнул Руслан. – За границей такое оружие уже пытаются сделать. Да только не получается у них пока.

– А у тебя, значит, должно получиться? – иронично усмехнулся кузнец.

– Ну, если ты свое дело правильно сделаешь, получится, – спокойно кивнул Руслан, глядя ему в глаза.

– Ты никак в умении моем сомневаешься? – изумился кузнец.

– Так я тебя в первый раз вижу, – не остался парень в долгу. – Слова ведь, сам знаешь, стоят не дорого.

– А что об этом скажешь? – с лукавой усмешкой спросил кузнец, отдавая ему револьвер и снимая с полки клинок без рукояти.

– Неужто сам булат ковать умеешь? – охнул Руслан, едва рассмотрев муаровый узор на клинке.

– Молодца. Сразу понял, – одобрительно прогудел мастер. – Верно. Сам кую. Так что, видишь теперь, что железки твои мне без надобности?

– Так ведь я сразу сказал, что это только для затравки, – пожал Шатун плечами. – Так что, возьмешься за работу?

– Тут вот какое дело, – задумчиво посмотрев на револьвер, ответил мастер. – Не люблю я чего-то переделывать. Ежели уж так приперло, давай тебе такой же, но с твоим барабаном сделаю. Только сам. Все. От начала и до конца. А по размеру один в один будет.

– И сколько за работу возьмешь? – задумался Руслан, вспомнив, что коней еще не продали.

– Не дороже денег, – лукаво хмыкнул кузнец. – Не боись, Шатун. Лишнего не попрошу.

– Да дело не в излишке. Был бы я богат, так за границей бы сразу заказал нужное, – вздохнул Руслан, нехотя признаваясь в собственной бедности.

– Сговоримся, – отмахнулся мастер. – Оставляй револьвер. И железо это тоже оставь. В переплавку пойдет. А через пару седмиц заходи. Глянешь, что получилось.

* * *

Всю следующую неделю Руслан потратил на то, чтобы собрать и сделать себе амуницию, хотя бы отдаленно напоминающую ту, что была у него во время службы. Ременно-плечевая система, ранец из толстой воловьей кожи, аптечка, в общем, все, что может пригодиться спецназовцу или, по-местному, пластуна в лесу. С интересом глядя на его приготовления, сопровождавший парня Андрей только крякал да усы подкручивал, не решаясь спросить, что к чему.

Заметив его мучения, Руслан улучил момент и, прогуливаясь с казаком по базару, осторожно предложил:

– Андрей, ты никак спросить чего хочешь?

– Да как сказать, ваше благородие, – смутился казак.

– Как есть, так и говори, – пожал Шатун плечами.

– Непонятно мне многое, – решил Андрей. – Вот, к слову сказать, ранец этот ваш. Зачем? Сидор-то солдатский и полегче, и поудобнее будет.

– Ну, это как посмотреть, – понимающе кивнул Руслан. – На первый взгляд да. Он и легче, и проще, и дешевый. А ежели его к делу приладить, то с сидором так не получится. Вот смотри. Пришла весть, что абреки куда-то в набег отправились, и решили вы им засаду устроить. А засада это что?

– Ну, это смотря где, как и когда, – моментально включился опытный боец.

– Хорошо. В лесу, где дорога проходит. Ну, чтобы от места, куда они идут, их отрезать. Верхом не получится. Сам знаешь, как кони иной раз выдать могут.

– Это да, – вздохнув, кивнул казак.

– Вот. Приехали вы на место, коневоды коней увели, а остальным придется по кустам прятаться, чтобы врага поближе подпустить. Так?

– Так.

– А теперь смотри. Лежишь ты с ружьем. Абрека ждешь. На траву его не положишь, потому как она сырая может быть. Значит, порох отсыреет и придется перед выстрелом свежего на полку досыпать. Или капсюль менять. А это лишнее движение, которое абреки заметить могут. Да и руки устанут, все это время ружье держать. А с ранцем, положил его перед собой, ружье на него, и жди себе. Пришло время, и поднимать не надо, навел ствол да стреляй. Ранец крепкий, выдержит.

– Ловко, – задумчиво усмехнулся казак.

– Или другой случай. Надо тебе куда вверх дотянуться, а подставить и нечего. А тут ранец подсунул, на него оперся да подпрыгнул. Стоять на нем не получится, как-никак кожа. А вот как опору на короткое время вполне использовать можно. Ну и последнее, сам сказал. Кожа там толстая, крепкая. Ежели в перестрелке, на грудь его перевесил и воюй. Пулю с дальнего расстояния он спокойно удержит.

– Ишь ты. Наука, – удивленно протянул Андрей, привычным жестом подкручивая усы, что обычно делал в минуты задумчивости. – А кузнецу ты чего заказал? Я ж видел на той картинке. Там много всякого было.

– Вот пойдем забирать, сам все увидишь, – хмыкнул Руслан. – А ежели без шуток, то заказал я лопатку малую, топорик и ножи метательные. Кинжалы у меня из трофеев остались.

– Да ты никак воевать с кем собрался, ваше благородие? – удивился казак.

– Я, Андрей, офицер. И ничего другого, кроме как родине служить, не умею, – помолчав, тихо выдохнул Шатун. – Почитай всю жизнь тому учился. Не выйдет из меня ни купца, ни ремесленника.

– Так ты что ж, ваше благородие, из наших? Из казаков будешь? – вдруг оживился Андрей.

– Нет. Кровей казацких у меня нет, – качнул Шатун головой. – Я скорее из служилого сословия, – пояснил он, припоминая отца инженера.

– Добре, – одобрительно кивнул казак.

Они вернулись домой, и Руслан засел в своей комнате за очередное рукоделие. Требовалось сшить из кожи несколько разных подсумков со съёмным креплением, чтобы иметь возможность менять их по мере необходимости. Зачем все это было нужно, он, откровенно говоря, и сам плохо понимал. Просто привык, что вся нужная амуниция всегда под рукой. Да и кто знает, что там будет дальше.

Не получится у Рязанова уговорить начальство взять странного пришельца на службу, и придется в срочном порядке уходить из города. Так, по крайней мере, не придется исчезать с голыми руками. За этими мыслями и занятием его и застал вернувшийся домой штабс-капитан. Вежливо постучав и дождавшись приглашения, он вошел в комнату и, с интересом оглядев Русланово изделие, удивленно покачал головой:

– Даже предполагать не возьмусь, зачем вам это все надобно.

– Для перехода дальнего по лесам, да для боя, – пожал Шатун плечами. – А вы, Михаил Сергеевич, с новостями или так, проведать зашли?

– Ну, кое-какие новости уже имеются, – едва заметно улыбнулся Рязанов, устало присаживаясь на предложенный стул. – Его высокопревосходительство, генерал граф Татищев, выслушав вашу историю, пришел к мнению, что человек ваших умений и знаний нашей службе и самой пригодится. И велел мне предложить вам службу проходить в здешних местах. Чтоб значит, в столице вас особо не показывать и лишнего внимания к вам не привлекать. Что скажете?

– Неужели поверил, что такое может быть? – удивленно покрутил Руслан головой.

– Ну, как я уже говорил, подобные случаи нашей службе известны, – спокойно улыбнулся Рязанов в ответ. – Да и слишком много косвенных свидетельств тому, что человек вы не от мира сего, уж простите великодушно. Как уже говорилось ранее, начиная от глаз и заканчивая ростом. Вроде каждый такой фактик, сам по себе, не много и значит, но все вместе, у одного человека, уже серьезный аргумент. Но вы не ответили на мой вопрос.

– Если позволите, я задам несколько вопросов, для уточнения, – подумав, спросил Руслан.

– Конечно. Извольте.

– Кем я в вашей службе буду?

– Это еще толком не решено.

– Сомневаетесь? – тут же отреагировал Шатун.

– Нет. Дело не в сомнениях. Просто мы не знаем ваших умений и знаний, а вам не известно толком, как мы тут дела ведем. Так что пока побудете рядом со мной, а дальше будет видно.

– Логично, – задумчиво кивнул Шатун. – А что по статусу? Кем вы меня представите? Уж простите, но слуга из меня плохой, – жестко добавил он.

– Господь с вами, – тихо рассмеялся штабс-капитан. – Вы на прежней службе кем были?

– Лейтенант.

– Значит, у нас подпоручика получите. А это и статус, и звание, и чин, и содержание от казны. Хотя, должен признать, последнее не шибко велико.

– Ну, не с моей рожей светские балы устраивать, – иронично хмыкнул Шатун. – На жительство пропитание хватит, и ладно. А там придумаю что-нибудь.

– И что же вы придумать можете? – тут же подобрался Рязанов.

– Свел я тут знакомство с кузнецом одним. Посмотрим, что он из моего заказа сделать сумеет. А там видно будет, – подпустил Шатун туману.

– Это вы про револьвер под единый патрон? – ничуть не смущаясь, уточнил штабс-капитан.

– Угу, – так же спокойно кивнул Руслан.

Ему с самого начала было понятно, что приданный ему проводник будет в обязательном порядке докладывать начальству о каждом его шаге, так что и не собирался возмущаться по этому поводу. Понятно, что такого мутного пассажира без пригляда никто не оставит.

– Думаете, получится? – с интересом спросил Рязанов.

– Должно, – решительно кивнул Шатун. – Особо сложного там ничего нет. Главное, точность отливки и шлифовки.

– И что, за границей действительно пытаются такое сделать? – не унимался штабс-капитан.

– Да. Фирма Лема, известная своим оружием, делает такие попытки. За океаном, в САСШ, тоже пытаются.

– Вот что, Руслан Владимирович, – помолчав, решительно заявил Рязанов. – Я настоятельно прошу вас после ужина пройти ко мне в кабинет и написать все, что вы помните о разработках нового оружия в нашем времени. Это весьма важно.

– Появились разговоры о турецком походе? – поинтересовался Руслан, повергнув офицера в откровенный шок.

– Откуда вы... как?.. О господи, вы же говорили, что многое помните о нашем времени, – почти простонал он, схватившись за голову. – Вот ведь дурень. Рутинка заела.

– Не расстраивайтесь, Михаил Сергеевич, – попытался утешить его Шатун. – Время еще есть. Завтра, с вашего позволения, я с утра засяду в кабинете и опишу все, что помню об этой войне и ее последствиях. Думаю, оружие пока потерпит. Вы только бумагу и перья прикажите приготовить.

– Все будет, голубчик. Вы только опишите. Подробнее опишите. Сие архиважно, голубчик, – закивал штабс-капитан так, что Руслан испугался, как бы он себе шею не повредил. – И еще, – продолжил Рязанов, – очень вас прошу пока свои придумки особо посторонним не раздавать. За кузнеца не беспокойтесь. Человек он надежный, проверенный. Заказ свой заберете и хватит пока.

– Увы, Михаил Сергеевич, не получится. Мне еще винтовка нужна. Из ваших ружей стрелять, только время терять. Но делать буду только для себя. А с кузнецом вы уж сами этот вопрос оговорите, – упрямо качнул Руслан головой.

– А ружье-то вам зачем? – удивился Рязанов. – Вы, Руслан Владимирович, офицер. Ваше дело думать, а не шашкой махать. Для этого у вас приданные казаки имеются.

– А если получится, как с тем турком? – иронично поинтересовался Шатун. – Казаки его в другом месте ловят, а он тут, рядышком нарисовался. Как тогда быть?

– И не поспоришь, – смущенно буркнул Рязанов.

– К тому же моя выучка похлеще выучки всех ваших бойцов будет. Так что иной раз придется и самому в драку влезать. И дело тут не в том, что я лучше или умнее вас всех, вместе взятых. А в том, что меня учили тому, что собиралось и систематизировалось долгие годы.

– Понимаю, – задумчиво кивнул Рязанов. – Вот, к слову, и еще дело вам будет. Станете казаков наших обучать.

– Ну, их учить, только портить. Хотя кое-что показать им я, конечно, смогу, – задумчиво протянул Руслан. – Но я бы предложил вам другое.

– И что же? – заинтересовался штабс-капитан.

– Я бы на вашем месте собрал по округе сирот и начал их обучать.

– Чему? – не понял Рязанов.

– Всему. От грамоты до рукопашного боя. Набрать ребят лет четырнадцати-пятнадцати, и через три-пять лет у вас будет своя боевая команда, обученная именно для ваших дел.

– Дорого, – подумав, скривился штабс-капитан. – Но идея, безусловно, здравая. Стоит подумать.

– Вот и подумайте. Лично я считаю, что, занявшись этим делом, вы получите больше выгоды, чем потерь.

– И в чем же выгоды? – задумчиво поинтересовался Рязанов.

– Первое, вы получаете преданную вашей службе команду, способную решать самые разные задачи. Второе, такая школа будет работать на имя вашей службы, и третье, на этой группе вы сможете проверять самые различные виды оружия и приемы захвата лазутчиков. Что называется, станете развивать свой, научный подход к делу.

– Вот что, Руслан Владимирович. Я попрошу вас и это все как следует описать завтра. С обоснованием, со всеми прибылями, как сейчас мне рассказали. Думаю, генерал заинтересуется, а попечителей для такой школы мы найдем. Имеются в округе состоятельные люди, готовые поддержать сирот.

– Дай-то бог, – хмыкнул Руслан, не веря в подобное развитие дела.

Их беседу прервал маленький смерч. Ворвавшись в комнату без стука, Матвеевна мигом заставила мужчин забыть про все дела и отправиться к столу. Пока они готовились к ужину, женщина успела скатиться на первый этаж, проверить, как накрыт стол, и снова взлететь наверх, чтобы поторопить их. Этот пучок энергии заставлял Руслана комплексовать. При ней он чувствовал себя медленным и неуклюжим, словно бегемот.

* * *

Пять выстрелов прозвучали один за другим, и мягкие свинцовые пули выбили из полена щепу. Обрадованно угукнув, Руслан аккуратно сменил в револьвере барабан и, сунув его в кобуру, направился к мишени. Результат радовал. Как ни крути, а пять пуль в мишень размером с детскую ладошку из незнакомого и непривычного оружия, это показатель. Внимательно следивший за его действиями кузнец, огладив бороду, с интересом пробасил:

– Что скажешь?

– Отличная работа, мастер, – вежливо склонил голову Шатун.

– Ну и слава богу, – кивнул кузнец. – Я тебе к нему еще четыре барабана отлил и сотню гильз. Снаряжать, так понял, сам станешь?

– Верно, – кивнул Шатун, доставая отстрелянный барабан и внимательно рассматривая край, соприкасавшийся с каналом ствола.

У револьверов это всегда было самым слабым местом. Край камор обгорал и начинался прорыв газов, что влияло на дальность и точность выстрела.

– Не бойсь, – понимающе усмехнулся кузнец. – Там, вишь, бронзовая накладка прилажена. Она хоть греется быстрее, зато и остывает лучше. А как обгорит, так заменить не долго.

– Умно, – оценил Руслан. – Но можно было и по-другому сделать.

– Это как? – тут же заинтересовался кузнец.

В истоптанном овраге, где регулярно стреляли все, кому требовалось пристрелять или проверить оружие, трава почти не росла. Так, несколько чахлах кустиков под стенами. Достав нож, Руслан присел на корточки и, разровняв землю, принялся рисовать, попутно поясняя систему надвига барабана на отлив ствола. Тяжело присевший рядом кузнец слушал очень внимательно, не отрывая взгляда от рисунка.

Потом, задумчиво огладив бороду, мастер удивленно хмыкнул и, покрутив в крепких пальцах револьверный барабан, протянул:

– Тогда и барабан больше делать придется. Тяжелее станет, а калибр тот же останется.

– Верно, – спокойно кивнул Руслан. – Но самое главное, что тогда на каждый выстрел не придется курок взводить. Знай, жми на крючок, пока патроны не кончатся. Скорострельность гораздо больше. Любую банду до смерти удивить можно.

– Это да, – усмехнувшись, согласился кузнец. – Подумать надо. Попробовать кое-чего, – вздохнул он.

– А винтовку переделать по-моему возьмешься? – кивнув, уточнил Руслан.

– Сделаю. Дело нехитрое, – отмахнулся кузнец, погрузившись в свои мысли.

– Ну, тогда говори, сколько я тебе должен, – потребовал Шатун, приготовившись расстаться со всей имеющейся наличностью.

– Червонец, но с уговором, – ошарашил его кузнец.

– Что за уговор? – насторожился Руслан.

– Со всеми своими задумками ты ко мне идешь. Его превосходительство, господин Рязанов, намедни мне сказывал, что ты долгое время за границей был и там всякое оружие изучал. Вот я и хочу узнать, что тут сам сделать смогу. Без всяких умников иностранных, – честно признался мастер. – Ты пойми, Руслан. На хлеб насущный я себе всегда заработаю. Да и сейчас не бедствую. А вот сделать такое, чтобы интересно было, чтоб задачка, как тот орешек, попробуй, раскуси. Такого нету. Потому и прошу.

– Добре, Митрич. Будут тебе задачки, – чуть подумав, улыбнулся Руслан одними глазами. – Но учти, не всегда это оружие будет.

– Да и бог с ним. Главное, чтобы интересно, – обрадованно кивнул мастер.

– Ну, тогда вот тебе еще одна задачка, – повеселел Руслан. – Толщину его видишь? – спросил он, сорвав с куста листок и протянув его кузнецу.

– Само собой.

– Так вот. Мне нужно из стали вот такой толщины сделать вот такие перышки, – принялся снова рисовать на земле Шатун.

– Это для чего ж такое? – удивился кузнец.

– Заместо гусиных перьев. Писать. Только на самом кончике крошечный шарик должен быть, чтобы бумагу не рвать.

– Ага, – задумчиво протянул мастер. – Добре, попробую.

– Вообще, такую тонкую работу ювелиру привычно делать. Но раз уж ты сам попросил... – начал было Руслан, но кузнец одним взглядом заставил его замолчать.

– Ювелиру, говоришь, – пробасил он, иронично усмехнувшись. – Добре. Дай срок, посмотрим. За ружьем черед седмицу заходи.

– Благодарствую, мастер, – склонил Руслан голову, протягивая ему золотой червонец за сделанную работу.

Как оказалось, ассигнации тут хоть и имели хождение, но принимали их неохотно. Да и цена заметно разнилась. Если монетами у товара была одна цена, то ассигнациями другая. Несколько выше. Продавцы так и говорили, к примеру, три рубля на ассигнации или два с полтиной монетой. Кивнув, мастер небрежно сунул монету в карман и, еще раз внимательно посмотрев на рисунок, ногой стер все Руслановы художества.

– Через седмицу, – повторил кузнец и, попрощавшись, широко зашагал к городу.

Отстреляв все имевшиеся у него патроны и убедившись, что револьвер уже начинает ложиться в руку, словно ее продолжение, Шатун отправился домой. Теперь ему предстояло заняться долгим и непростым делом. Снаряжением патронов. Но прежде требовалось отлить пули. Благо свинца, пороха и капсюлей для этого дела у него хватало. Пулелейку ему Митрич сделал сразу. Знал мастер, что патроны под такое оружие заказчик станет делать сам.

Но едва войдя во двор, Руслан насторожился. Тут царила какая-то непонятная суета. Казачий десяток седлал коней и, негромко переговариваясь, проверял оружие. Коляска, в которой не так давно они с Рязановым приехали в город, уже стояла у крыльца.

– Что стряслось? – спросил Руслан, перехватив шедшего мимо десятника.

– Его превосходительство велели десятку готовым к выходу быть. Скоро быть сам должен, – пожал казак могучими плечами.

– Добро. Я с вами, – решительно заявил Руслан.

– Погоди, твое благородие, – опешил казак. – Про тебя разговору не было.

– Думаю, господин штабс-капитан не откажет мне в такой малости, – хмыкнул Шатун в ответ и бегом взлетел на второй этаж.

Быстро переодевшись, он с сожалением повертел в руке револьвер и, вздохнув, тихо проворчал:

– Вот так всегда. Тут война, а я уставший.

Сунув оружие в кобуру, он оставил его на полке шифоньера и, быстро переодевшись в собственноручно сделанную полевую форму, накинул разгрузку с ножами, топориком и саперной лопаткой. Ранец давно уже был собран и укомплектован по принципу тревожного чемоданчика. Выскочив на крыльцо, Руслан увидел входящего во двор Рязанова и, закинув ранец в коляску, шагнул ему навстречу.

– Михаил Сергеевич, что ж вы не предупредили, что будет выход? – спросил он, делая вид, что все так и должно быть.

– Боюсь, взять вас с собой я не смогу, Руслан Владимирович, – ответил Рязанов с некоторой растерянностью. – Имею приказ обеспечить вам полную безопасность.

– И как вы ее сможете обеспечить, оказавшись бог знает где? – тут же нашелся Шатун. – А тут и вы сами, и казаки ваши.

– А ежели пуля шальная? – попытался выкрутиться штабс-капитан.

– Ну, шальную я и в городе словить могу, а вот мою, думаю, еще не отлили, – твердо сказал парень, глядя офицеру в глаза.

– Бог с вами. Поехали, – сдался штабс-капитан, нетерпеливо махнув рукой.

Они уселись в коляску, и кавалькада выехала со двора. Десяток разделился. Четверо казаков шли в авангарде, а остальные следовали за коляской. Оружие казаки держали в руках, готовые в любой момент пустить его в ход, словно противник был уже в городе. Заметив это, Руслан удивленно хмыкнул и, слегка наклонившись к Рязанову, тихо спросил:

– Что случилось, Михаил Сергеевич? С чего такая паника?

– В город, на воды, ехала супруга генерал-губернатора Орловской губернии графиня Тишинская. Но ее выезд каким-то образом перехватили горцы из непримиримых. Получен приказ немедленно догнать и отбить.

– А вы уверены, что она еще жива? – крикнув, еще тише уточнил Руслан.

– Непримиримые, хоть нас и не любят, но не дураки. Знают, что за таких пленников можно хороший выкуп получить. А за смерть ее мы мстить станем. Жестко. Так что да. Она еще жива, – уверенно ответил штабс-капитан.

– Откуда известно стало, что абреки напали? – подумав, спросил Руслан.

– Пастух один видел и мальчонку отправил. Он же и направление указал, куда они выезд погнажи.

– Они что, с телегами уйти решили? – ахнул Руслан, не веря собственным ушам.

– Выезд богатый, багажа много, вот жадность и выграла, – понимающе усмехнулся штабс-капитан. – Они в сторону степи пошли. Похоже, решили к предгорьям со стороны зайти. От нас подальше.

– Это возможно? – удивился Шатун.

– Вполне. Со стороны степи поселений не так много. Там с водой плохо. Потому они и решили обойти. Тропы в горы они знают. А наше дело – не дать им туда добраться.

– Так может, тогда к дьяволу эту коляску. Верхом и галопом? – чуть подумав, предложил Руслан. – Дело-то серьезное. Упустим, и все усилия насмарку.

– Не торопитесь. На границе со степью казачий хутор будет. Там у нас полтора десятка коней постоянно стоит именно для таких случаев. Там и седла, и сбруя, и все, что нужно, имеется. Гонца я уже отправил, так что, как доедем, кони будут готовы.

Так и вышло. Спустя два часа после того, как кавалькада выкатилась из города, преследователи остановились у ворот большого хутора, и казаки принялись менять коней. Руслану подвели высокого серого мерина. Что называется, ему под рост. Погладив коня по морде, Шатун дал ему обнюхать свою ладонь и, угостив небольшим ржаным сухариком, который достал из ранца, уселся в седло. Выскочившие со двора подростки начали заводить коляску на подворье, а кавалькада понеслась дальше. В степь.

Отдохнувшие, сытые кони шли широкой, размашистой рысью. След казаки обнаружили быстро. Впрочем, это и не удивительно. Подобный выезд пройти незаметно просто не мог. Свесившись с коня, местный следопыт задумчиво осмотрел местность и, повернувшись к Рязанову, уверенно заявил:

– К черному камню они рвутся. В ту сторону отсюда одна дорога. Но есть еще и тропа. Ежели по ней пойдем, верст десять срежем.

– А в скорости не потеряем? – тут же спросил Руслан.

– По тропе короткой рысью проехать можно, – кивнул казак. – Успеем.

– Что скажете, Руслан Владимирович? – повернулся штабс-капитан к Шатуну.

– Думаю, надо разделиться, – вздохнул Руслан, сообразив, что это очередная проверка. Но теперь на профпригодность. – Часть продолжает погоню, и, если догонят, начинают беспокоить противника. Остальные будут встречать у черного камня. А если бандиты решат свернуть, то преследователи отправляют за остальными гонца. Точка встречи там.

– Я так понимаю, вы решили возглавить тех, что пойдут по тропе, – поддел парня штабс-капитан.

– Ну, для простой работы я еще чином не вышел, – отшутился Руслан.

– Хорошо, – помолчав, нехотя согласился Рязанов. – Но бога ради, Руслан Владимирович, не лезьте на рожон. Нам ваша голова еще пригодится.

– Вы не поверите, Михаил Сергеевич. Мне тоже. Я ж в нее есть привык, – отшутился Шатун, и весь десяток, не удержавшись, дружно заржал.

Одобрительно улыбнувшись, Рязанов приказал десятнику разделить бойцов, и вскоре шесть всадников неслись обратно к лесу. Проводник уверенно вел их по каким-то едва заметным стежкам, уводя в сторону от дороги. Три часа спустя вся группа выехала на опушку леса, и следопыт, ткнув пальцем в нужную сторону, негромко сообщил:

– Вон он, черный камень. За ним развилка и будет.

– Вперед. Осмотрим дорогу и, если успели, устроим абрекам засаду. Значит так, казаки. Живым нам нужен только их главный. Остальных кладите наглухо. Без разговоров и соплей. Главное, свои жизни берегите, – жестко приказал Руслан, обведя подчиненных твердым взглядом.

– Добре, – дружно кивнули бойцы и пришпорили коней.

Объехав огромный кусок скалы, непонятно как оказавшийся тут, группа принялась осматривать дорогу. Убедившись, что знакомых следов на ней нет, казаки отвели коней подальше и принялись устраивать засаду. Сам Руслан, оглядевшись, пристроился у самой дороги, найдя неширокую, но достаточно глубокую промоину. Лежать пришлось под палящим летним солнцем, но Шатуну было не привыкать к подобным условиям. Что такое лето на Кавказе, он помнил еще по прежней жизни.

Спустя примерно сорок минут после того, как группа скрылась с глаз, на дороге застучали копыта и послышался скрип тележного колеса. Степная пыль, легкая и летучая, быстро набивалась в ступицы тележных колес, заставляя их нещадно скрипеть. Именно этот звук и заставил Руслана насторожиться. А спустя еще четверть часа обычные в степи звуки перекрыл дружный ружейный залп.

* * *

Обходя убитых бандитов, Шатун выдергивал из ран свои метательные ножи и, отерев их об одежду трупа, укладывал в перевязь. После чего начинал быстрый, но тщательный обыск. Благо места в ранце хватало, а пять коней стали его добычей. Когда дело дошло до топорика, к нему подошел, прихрамывая, десятник и, потирая колено, поклонился, гулко произнеся:

– Спаси Христос, ваше благородие. Кабы не ты, лежать бы мне тут с башкой разрубленной.

– Оставь, друже. Одно дело делаем, – отмахнулся Руслан, выдергивая свой томагавк из спины бандита.

– Не пачкай руки, ваше благородие, – добавил десятник. – Сами все приберем. Тебе невместно.

– Благодарствую, – кивнул Руслан, оглянувшись на Рязанова.

Едва бой стих, штабс-капитан поспешил к карете графини и теперь старательно пытался ее успокоить. Та же, всхлипывая и хватаясь за весьма обширный бюст, подносила к лицу флакончик с ароматической солью и раз в несколько минут пыталась упасть в обморок. Так что за столь нелюбимым занятием Руслана никто не заметил. Напомнив себе, что в этих местах офицер гораздо больше, чем просто командир, Шатун принялся очищать томагавк от крови, попутно вспоминая эпизоды схватки.

Засада удалась. Два десятка абреков заметили погоню километрах в десяти от черного камня. Десяток бандитов остался отбивать преследование, а остальные попытались прибавить ходу. Но груженные телеги и тяжелая карета не тот транспорт, на котором можно развить большую скорость. Все внимание бандитов было сосредоточено на тылах, поэтому залп пяти ружей разом ополовинил группу бандитов. Казаки, разрядив ружья, взялись за пистолеты.

Еще трое бандитов, получив ранения разной степени тяжести, вывалились из седел. Руслан, внимательно следя за ходом боя, про себя отметил, что первыми казаки выбили всех, у кого был огнестрел или луки. Как оказалось, этим оружием горцы все еще с успехом пользовались. Дальше в ход пошли клинки. Точнее, абреки, оставшиеся в живых, попытались атаковать спешившихся казаков, но Руслан, оказавшийся сбоку от выезда, быстро пресек эту попытку.

Метательные ножи свистнули в воздухе и, пытавшиеся атаковать бандиты вывалились из седел.

Руслан уже было собрался скомандовать отбой, когда примчался отставший десяток. Абреки не стали вступать в бой с преследователями. Обстреляв казаков, они развернули коней и понеслись следом за выездом. Моментально сообразив, что дело запахло керосином, Руслан выхватил топорик и, отбежав к ближайшей телеге, гаркнул во всю глотку:

– К транспорту, прикрыть спины!

Казаки подобной команды не слышали, но сразу поняли, что он задумал. Горцы предпочитали сражаться верхом, но, когда противник стоит, прижавшись спиной к телеге, срубить его на скаку не удастся. Так и получилось. Подскакав к казакам, бандиты были вынуждены придержать коней и развернуть их боком, чтобы иметь возможность дотянуться до противника. Ну, а дальше, как говорится, дело техники. Казаков учить рубке не требовалось.

Над местом стычки слышался только лязг железа, храп и ржание коней, сочный мат на нескольких языках. Увернувшись от свистнувшей сабли, Руслан рубанул противника по колену и, нырнув под конскую шею, тут же добавил ему с другой стороны. Но на этот раз удар пришелся в грудь. Резким рывком высвободив топорик, Руслан развернулся в поисках следующего противника и увидел, как споткнувшийся десятник заваливается на бок, а налетевший на него горец замахивается саблей.

Не раздумывая ни секунды, Шатун метнул томагавк. Лезвие разрубило абреку позвоночник. Пользуясь возникшей паузой, Руслан выдернул из чехла свой последний аргумент. Саперную лопатку. Подскочивший к нему горец взмахнул саблей и явно не ожидал, что противник решится оказать сопротивление. Отбив саблю ударом лопатки по плоскости клинка, Шатун обратным движением рубанул противника по ноге и отскочил назад.

Взвыв от боли, горец ухватился за луку седла и попытался привычно толкнуть коня пятками, вскидывая саблю снова. Но раненая нога подвела. Конь, подчиняясь его команде, закрутился на месте, подставив Руслану спину горца, чем парень и воспользовался. Лезвие лопатки с хрустом врубилось в жилистое тело, бросив его на шею коня. К тому моменту казаки уже успели разобраться с остальными бандитами, так что схватку эту видели все.

Убедившись, что воевать больше не с кем, Руслан перевел дух и отправился собирать оружие. Вот тут его и застал вызов начальства. Едва только десятник успел посоветовать ему не ронять офицерское достоинство, как над степью раздался голос штабс-капитана:

– Руслан Владимирович, будьте добры, подойдите ко мне, – окликнул его Рязанов.

Кивком головы поблагодарив казака, Руслан быстрым шагом подошел к карете и, подражая виденным когда-то фильмам, щелкнул каблуками, одновременно наклоняя голову.

– Господин штабс-капитан, подпоручик Ростовцев по вашему приказанию прибыл, – отгарабанил он, изображая тупого служаку.

– Оставьте, голубчик, – отмахнулся Рязанов. – Не до того сейчас. Вот, позвольте представить. Графиня Тишинская, Елена Семеновна. И ее наперсница, Валентина Григорьевна, – обозначил он дам, стоявших у кареты.

– Весьма рад знакомству, – нашелся Руслан, мысленно ругая Рязанова.

– Ого, вот это великан! – тут же оживилась графиня, с интересом разглядывая парня. Про плен она уже явно забыла. – А как вас зовут, господин подпоручик?

– Руслан Владимирович, к вашим услугам, – снова поклонился Шатун.

– Прошу прощения, сударыни, но наше дело еще не окончено, – вмешался в разговор Рязанов. – Руслан Владимирович, у нас опять возникла некая коллизия.

– Что теперь? – насторожился Шатун.

– Главарь этих абреков с двумя подручными ушел в степь. Их надо догнать. А госпожа графиня никак не желает возвращаться в город без сопровождения казаков. И то сказать, напугали бандиты дам. Не каждый день к таким в полон попадаешь, – добавил он, покосившись в сторону кареты.

«Угу, испугались они, как же», – хмыкнул про себя Руслан.

Обернувшись на собиравших трофеи казаков, он вздохнул и, окликнув десятника, приказал:

– Отбери трех бойцов. Пусть оружие проверят и ружья зарядят. И отберут по коню из тех, что взяли. В погоню одвуконь пойдем. Я старшим.

– Добре. Сей момент будут, – решительно откозырял десятник и захромал к своим подчиненным.

– Разрешите исполнять? – повернулся Руслан к штабс-капитану.

– Вы только аккуратнее там, голубчик, – вздохнул Рязанов. – Голову берегите.

– Постараюсь, – кивнул Шатун, усмехнувшись одними глазами.

Собрались казаки быстро. Руслану подвели его мерина и еще одного коня из трофейных. Такого же высокого и крепкого, мышастой масти. Сунув каждому из коней по сухарику, Шатун быстро проверил подпругу и вскочил в седло.

– Ваше благородие! – окликнул его десятник. – Не побрезгуйте, – протянул он парню пару пистолетов. – Одним топориком, может, и не отобьешься.

– Благодарствую, – кивнул Руслан в ответ, засовывая пистолеты за пояс.

Отказать казаку, который отдал ему свое собственное оружие, он просто не осмелился. К тому же сразу было понятно, что десятник хочет отблагодарить его за спасение. Следопыт, который отправлялся с ними, выяснил у слуг, где именно бандиты отделились от основной банды, и группа пришпорила коней. Возница, что объяснял казаку, где главарь ушел, оказался мужиком наблюдательным. По указанным приметам следопыт быстро нашел след трех коней, и группа прибавила ходу.

Уже начало смеркаться, когда шедший первым следопыт указал рукой на мерцавший впереди огонек. Бандиты встали на ночевку. Группа на ходу приготовила оружие и снова пришпорила коней. Их услышали, что было, в общем-то, не удивительно. Топот копыт по сухой земле раздавался в степи барабанной дробью. Расхватав оружие, бандиты шарахнулись от костра в стороны, понимая, что в его свете являются мишенями. Но казаки свое дело знали туго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.